

Виктор Точинов Татьяна Романова

ЗЕРКАЛО СУДЬБЫ

Виктор Точинов
Зеркало судьбы

«Точинов Виктор»

2018

Точинов В. П.

Зеркало судьбы / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2018

ISBN 978-9-17-897841-0

Гадание на картах Таро – одна из самых сложных мистических практик. Карты безжалостны и беспристрастны, подобно зеркальному отражению. Они говорят лишь с тем, кто согласен познать свою сущность, отринув прежние представления о себе. Человеку, готовому расстаться с иллюзиями, карты подарят нечто особенное. Однажды, заглянув в зеркало Судьбы, он поймает чужой взгляд, исполненный надежды и тревоги. Взгляд той, что точно так же прошла тропой заблуждений в поисках правды. Сначала может показаться, что им, говорящим на разных языках, не суждено понять друг друга. Но карты Таро обретают смысл лишь в раскладе, а истина рождается только в извечном споре рассудка и интуиции, упорядоченности и хаоса. И облик Судьбы проясняется, сплетаясь из миллиардов возможностей, пока два голоса, мужской и женский, ведут разговор о вере и отчаянии, о свободе и предназначении, о памяти и надежде. Этот разговор будет долгим...

ISBN 978-9-17-897841-0

© Точинов В. П., 2018

© Точинов Виктор, 2018

Содержание

1. Император	7
Химеры	8
Охота на зайцев по первому снегу	22
2. Смерть	36
Вольденская пустошь	37
Дороги, которые нас выбирают	52
Прими свою вину	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Татьяна Романова. Виктор Точинов

Зеркало судьбы

Не надо смотреть ни на людей, ни на вещи. Надо смотреть только в зеркала. Потому что зеркала отражают одни лишь маски...
Оскар Уайльд

*Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

Сергей Есенин

Таро представляет собой одно из самых удивительных изобретений человечества. Это пачка картинок, в которой судьба отражается словно в зеркале с многочисленными гранями...
Грийо де Живри

♀ – Татьяна Романова
♂ – Виктор Точинов

1. Император – ПРИЗРАКИ МЕРТВЫХ ИМПЕРИЙ

♀ Химеры
♂ Охота на зайцев по первому снегу

2. Смерть – ТЕРРОР ОЗНАЧАЕТ УЖАС

♀ Вальденская пустошь
♂ Дороги, которые нас выбирают
♀ Прими свою вину

3. Дьявол – ТЕЛА И ДУШИ

♂ Три звонка на рассвете
♀ Ублюдок и святой

4. Колесо Судьбы – ВЛАДЫКИ ЗЕМНЫЕ, ВЛАДЫКИ НЕБЕСНЫЕ

♀ Владелец и владыка
♂ Полкоролевства в придачу
♀ Прививка

5. Башня – ТВОРЦЫ И ТВОРЕНИЯ

♀ После нас
♂ Остров Стрежевой

6. Влюбленные – ТЬМА СНАРУЖИ, ТЬМА ВНУТРИ

♀ Я рядом
♂ Любимая

7. Звезда – ЗВЕЗДЫ В ЗЕРКАЛЕ ВОД

♀ Несвятая вода
♂ Русалка на ветвях сидит

1. Император Призраки мертвых империй

задача – последовательное осуществление идей и намерений, настойчивость;
цель – создание и обеспечение порядка и безопасности, выдержка;
риск – возможны упрямство, педантизм, косность, негибкость;

Химеры # Татьяна Романова

1

– То есть вы, молодой человек, оправдываете осквернение могил, – губы старухи сжались в тонкую линию.

Вадим уже понял: поздороваться с приветливой пожилой соседкой было ошибкой.

– Вы понимаете, что этот мэтрополитен строят на костях, под Старосвятским кладбищем! Такого даже при демократии не было! Вообще, что за дикость? Сначала эти гробокопатели, прикрываясь словами о прогрессе, лезут под землю. А потом мы получаем *это*, – старуха с презрением покосилась на обочину.

Ничего страшного Вадим там не увидел. Рыжая Катька из третьего подъезда целовалась с каким-то долговязым парнем в форме императорского училища.

– Вы должны, – цепкие пальцы впились в рукав Вадима. – Вы обязаны подписать нашу петицию! Государь должен знать, что коренные жители против этого варварства!

– Я приезжий, – робко отозвался Вадим.

– Ах, всё равно! И, кстати, петиция анонимная.

– Всё равно... знаете, не надо, – Вадим неловко попятился. – Мало ли что...

– А ещё учитель, – полетело ему вдогонку.

Вадим, покраснев, ускорил шаг. Учитель, да. С тревожной пустотой в графе «Благонадёжность». Не хватало ещё попасть на карандаш к службистам из-за подписи в, прости господи, анонимной петиции.

* * *

А вечер был чудесный – даже атака старой мегеры не смогла окончательно испортить настроение. Казалось, с города наконец сдёрнули пыльный зимний покров. Ослепительно белели соцветия сирени на фоне кирпичной стены, наливались солнечным светом округлые бока бакалейной вывески. Всё кругом было неправдоподобно ярким, как на детском рисунке.

Вадим вошёл в подъезд. Скользнул взглядом по серым почтовым ящикам, которые, как осиное гнездо, громоздились на стене – и вздрогнул.

Из ящика под номером двадцать шесть торчал край пухлого конверта из неприлично яркой обёрточной бумаги. Такой наверняка привлечёт чьё-то внимание. И наутро уже весь подъезд будет знать, что Беловым из двадцать шестой пришло *сомнительное* письмо.

Вадим полез в карман. Чертыхнулся, вспомнив, что ключи от почтового ящика у Нади.

В припылённое окно подъезда скреблись ветки сирени. Весна осталась там, за стеной. А здесь, в подъезде, времена года не менялись. Вечный запах кислых щей и хозяйственного мыла. Вечные косые взгляды соседей, мечтающих присвоить их с Надей крохотную – три на четыре – но отдельную комнатку. Им же только повод дай.

Пухлый конверт поддавался с трудом – это сколько же усилий приложил человек, на три четверти затолкавший его в узкий проём? Острые края ящика царапали пальцы. Наконец измятое послание было добыто.

Вадим молнией взлетел по лестнице, промчался по извилистому общему коридору, лавируя между шкафами, кошками, тазиками с бельём. Захлопнул за собой дверь, повернул ключ в замке. Набрал побольше воздуха – как перед прыжком в воду – и надорвал конверт.

На пол посыпались пожелтевшие страницы, исписанные его же, Вадима, мелким почерком.

Его роман, написанный двенадцать лет назад – тогда до окончания войны оставалось три смутных, неясных года, а Вадим ещё учился в наршколе (которую потом гордо перекрестят в гимназию). Как и полагается дебюту, роман был отвратителен. Тягучая жуть про отважных рабочих, задавших жару недобитой империи. Собственно, лучшим в этой книге было решение автора сжечь её единственный экземпляр. Желание, успешно осуществлённое в тридцать восьмом.

Вадим отлично помнил тот день – накануне свадьбы с Надей. Помнил, как долго брёл по лужам в лесополосе, выискивая среди недотаявших сугробов место для костра. Помнил чувство покоя, охватившее его, когда страницы превратились в пепел, а автор экстремистского романа и несостоявшийся террорист – в добропорядочного учителя словесности.

Был ветер, да. Ветер мог унести часть листов... хотя тут, в конверте, едва ли не половина, но ладно. Пусть.

Хуже другое. О романе, кроме самого Вадима, знал только один человек – соавтор, редактор, да, честно говоря, и прототип бравого главного героя.

Его брат Владислав.

Который умер больше десяти лет назад.

* * *

– Вадюшка, – сияющая Надя открыла дверь. – Ты видел телеграмму? Утром принесли, я её на столе оставила.

– От кого? – прохрипел Вадим.

– Не знаю. Тебя хотела спросить. Просто, если это твой друг, нехорошо, что он где-то по углам ютится. Я бы могла ему на диване постелить... Ты слушаешь, милый?

На голубоватом казённом бланке темнели три слова.

«Приехал. Обустроился. Бывай».

Конечно, Наде он не стал ничего рассказывать. Предупредил только, чтобы дверь никому не открывала. По дороге в гимназию сообразил, что лучше было бы поручить вопрос безопасности Изольде Матвеевне – крикливая, склочная старуха в случае чего могла бы воплями мобилизовать весь подъезд. А в Наде старая ведьма души не чаяла – как, впрочем, и остальные соседи. Вадим всё не мог понять, как же это получилось у его жены – прожить восемь лет в коммуналке и ни с кем не поссориться.

* * *

...У дверей кабинета словесности отчего-то собралась чуть ли не треть гимназии. Над стриженными макушками гимназистов возвышались затянутые в вицмундиры фигуры преподавателей.

– Здраасьте, Вадим Палыч, – нестройно протянули ученики, провожая его странными взглядами.

– Вадим, наконец-то, – донёсся из-за двери голос директора. – Пожалуйста, на пару слов.

Шторы на окнах кабинета были задёрнуты. Директор, скрестив руки на груди, стоял над учительским столом.

– Вадим. Уборщик вот нашёл... Сами посмотрите.

На столе – на его столе – поверх аккуратных стопок тетрадей были разложены фотографические карточки. Вадим мельком взглянул на них, и к горлу подступила тошнота.

Девочка, совсем ещё молоденькая. В огромном мешковатом комбинезоне. Лежит на гранитных плитах, нога подвёрнута под неестественно изогнутое тело. Она же – голая, на столе из нержавеющей стали, пустые глаза распахнуты навстречу искусственному свету. – Я не знаю, что это, – выдохнул Вадим.

– Верю, верю, голубчик, – голос директора был приторно-ласковым. – Но сами понимаете, ситуация экстраординарная. Мне пришлось позвонить *куда следует*.

В глазах потемнело. Вот и всё. Дальше – свет лампы в глаза. Вежливый следователь. Плачущая Надя. Десять или пять лет поселения. *Они* ведь отмеряют пятилетками, чтобы удобней.

– Что вы, – директор нервно усмехнулся. – Не в Службу. В полицию. То есть гарантировать ничего не могу, если они сочтут нужным... Но надеюсь, это недоразумение разрешится.

2

– Белов? – зачем-то переспросил регистратор, протягивая повестку обратно Вадиму. – В девятый кабинет. К Диане Николаевне.

Господи. К женщине.

Вадим кивнул, стиснул повестку в кулаке, и покорно потрусил по людному коридору. Казалось, его провожают насмешливо-понимающими взглядами даже портреты деятелей на давно не беленых стенах.

Дверь в девятый кабинет – закуток в конце коридора – была распахнута настежь. Из-за вавилонов скоросшивателей тянулся к потолку столбик сигаретного дыма. Осторожно, стараясь не наступить на разбросанные по полу листы – то ли мусор до корзины не долетел, то ли что-то нужное упало – Вадим подобрался к столу.

Следовательша оказалась – хуже некуда. Молодая, с худым, злым лицом. В пальцах – сигарета. Светлые волосы коротко подстрижены – видимо, по армейской привычке. Сидит, забросив ногу на ногу, покачивая носком красной туфли на каком-то немислимом каблучке. И смотрит. И ждёт.

– Доброе утро, – начал Вадим, осторожно присаживаясь на краешек стула. – Мне сказали...

– Скажите, Вадим, вы случаем не танатофил? – она стряхнула пепел в грязную чашку.

– Кто?

– В широком смысле – ценитель прелести увяданья. В узком – голых мёртвых девочек. Если что, уголовно ненаказуемо.

– Мерзость какая, – опешил Вадим. – Господи, да как вы такое подумать-то могли? Я женатый человек!

– Жаль, – серьёзно кивнула следовательша. – Это бы всё очень упростило. Всего-то и дел было бы – найти вашего поставщика фантазий.

– Да я не...

– Поняла уже. Дашу Свирову вы тоже, конечно, не знали. Девочку с фотографий.

– Нет. А кто она?

– Студентка из добровольческой бригады. Неделю как похоронили. Чем-то помогала метростроителям на Шигарёвской станции, и сорвалась с лесов. Несчастный случай, не подпрыгивайте вы так. Двадцать свидетелей. С девочкой-то всё понятно. А вот с вашими фотокарточками – нет. Вадим, вот скажите: как они перекочевали из архива судебной экспертизы к вам на стол? Хоть какие-то идеи у вас есть?

– Не знаю. Пошутил кто-то, может.

– Славная шутка, – кивнула Диана. – Чья же?

С улицы доносились раздражённые трели трамваев.

Кажется, мой брат восстал из мёртвых и мстит за предательство, отправляя мне сожжённые рукописи и фотографии мёртвых девочек. Да, с полицией после такого заявления проблем не будет. Зато вот с психиатром разговор выйдет долгий и душевный.

– Понятия не имею, кому могло понадобиться отправлять мне письма, – Вадим сдвинул брови. – А вообще, это ведь ваша работа, Диана Николаевна – искать этого шутника...

Он осёкся.

– Письма, – с удовольствием протянула следовательша. – Были и другие?

– Не было! – взвился Вадим.

– Ну значит, не было, – неожиданно легко согласилась Диана. – То есть ваша версия, если я правильно поняла – неизвестно кто неизвестно зачем подбросил никак не связанному с ним человеку фотографии мёртвой девицы. Как это у вас, словесников, называется? Сюрреализм?

– А у вас как?

Она ответила. Вадим покраснел.

– Ладно уж, – следовательша потянулась за каким-то бланком. – Идите с миром. Заявление, что ли, подайте. О нанесении вам морального ущерба. А то получается, что вы вроде как и не прочь были фотографиями разжиться.

– Подаю, подаю обязательно, – торопливо закивал Вадим. – А поможет?

– Помочь могу я. Но вам, похоже, не надо. Кстати, а как вы относитесь к метро?

– Я – никак, – промямлил Вадим. – Даже интересно было бы посмотреть... тьфу, то есть покататься...

Она обидно рассмеялась.

3

Он пришёл через два дня, когда Вадим уже начал свыкаться с уютной мыслью о том, что всё обойдётся.

Класс был охвачен предканикулярным оцепенением. На задних партах лениво переговаривались, у доски почти отличник рассказывал почти выученный отрывок из поэмы. Вадим слушал, рассеянно глядя в окно. Тенистая улица была почти безлюдна в десять часов утра.

Почти.

Влад стоял у обочины, задрал голову. Точно такой, каким стал бы в тридцать один год – рослый, смуглый, с сединой в кудрявых волосах.

Просто стоял. И смотрел на него, Вадима – безошибочно узнавая брата-отступника в неясном силуэте по ту сторону окна.

Пальцы, изъеденные селитрой. Быстрый взгляд исподлобья.

– Вадик, дурашка, в партию так просто не берут. Нужно доказать, что мы пригодимся. Что без нас никуда. И я даже знаю, что мы сделаем. Из плюсов – экзамены сдавать тебе уже не придётся. Из минусов – это точка невозврата. Оно тебе надо? Ты подумай. Хорошо подумай.

В голове метались обрывки мыслей – липкие, жалкие. Наде позвонить. Она дома. Одна. Или сразу – в полицию? И что им сказать?

Ничего не случится, понял вдруг Вадим. Он затем и пришёл, чтобы посмотреть в глаза – сквозь немытое стекло, через пыльную занавеску. Хоть в пример приводи детям, как гниловатый, приторный образчик драматического пафоса. Как нелепо, боже ж ты мой.

Как страшно, на самом деле.

...Та гражданская война, о которой бубнили вечерами в гостиной, и та революция, о которой рассказывал брат – были не одним и тем же. Первая была унылой страшилкой. От неё отдавало типографской краской, валериановыми каплями и прогорклой вонью залежавшихся запасов в кладовке. От второй захватывало дух. Это был прохладный шелест алых знамён, глаза

нищих детей, удивлённо распахнутые навстречу хрустальным дворцам. Это было счастьем и смыслом. А потом это удивительное и сияющее вдруг переродилось в пыльную лабораторию в старом лодочном сарае. В обожжённые пальцы и затрёпанные перепечатанные под копирку брошюры по изготовлению бомб. В тёмные от копоти корпуса сталелитейного завода. И в презрительный взгляд брата: передумал? слабо?

Тонкий стержень перьевой ручки треснул в пальцах.

– Вадим Палыч, вам плохо? – спросил почти отличник.

Он помотал головой, не отрывая взгляд от окна.

Влад помахал рукой. Чуть припадая на левую ногу, пошёл к трамвайной остановке.

Всё?

* * *

В учительской было шумно и нервно. Сквозь гул голосов прорывался надрывный тенор естественнаучника Андрея Васильевича.

– ...и, представьте, одновременно! На Ясенской, Шигарёвской и Центральной. И да, говорят, прямо такая, как была – рыженькая, в костюмчике своём. Только уже не человек. Господи, это ж ровно девять дней...

Он осёкся, увидев Светлова.

– Вадим Палыч, девочка ваша объявилась, – заржал историк Королёв. – Та, с фотографий. Воскресла – и давай наших метростроевцев шугать. По тоннелям гуляет, пакости на стенах пишет.

– Не смешно, – проворчал рассказчик.

– Ну, постановка же, – прошипел кто-то. – Небось, ревнители старины постарались. – Вас-то там не было, – Андрей сдвинул брови. – Здоровенный, извиняюсь, мужик – один из той бригады – идёт прямо по проезжей части и всхлипывает. И дрожит. Ему сигналият, а он – не слышит. Ничего не видит вокруг, понимаете?

Пролаял звонок. Вадим проскользнул в дальний угол комнаты, рухнул в продавленное кресло и закрыл глаза.

Славно. Влад вернулся. Мёртвые девочки. Метро. Все рехнулись, это точно.

Хлопнула входная дверь. Вадим напрягся, услышав знакомый прокуренный голос. Её только сейчас не хватало, Дианы этой!

– Светлов? В учительской вроде, – бестрепетно сдал коллегу Королёв.

Вадим толкнул размокшую от ночного дождя раму окна. Влез на подоконник. Неуклюже спрыгнул – и, морщась от боли в пятках, бросился к забору.

* * *

– Ой, ты так рано, – обрадовалась Надя. – А к тебе Влад приходил!

– И ты открыла? – выдохнул Вадим. – Впустила его?

– Ну конечно, – растерянно захлопала ресницами Надя. – Он ведь твой друг.

– Охренеть. – Вадим швырнул портфель на пол. – Чужого человека? Надь, тебе сколько лет?!

Ему стало стыдно. Сам же искал – нежную, домашнюю. А не собаку цепную. И всё-таки...

– Надь, ну ты думай в следующий раз, – проворчал он, остывая. – Ведь чужой человек.

А если бы вор? Или похуже?

– Вадюша, ну он же не вор! Вежливый такой. Тортик принёс. Мы поболтали.

– О чём?

– Ну, он восхищался, как мало город изменился. Мол, те же дома, те же заводы. Метрополитен ему нравится. Говорит, в столице красиво, а у нас ещё лучше будет.

Опять метро.

– Дальше, – сдавленно произнёс Вадим.

– Он сказал, что приехал по делам, и что ты, так или иначе, ему поможешь. А как именно, тебе решать. Вот. Сказал, что ты поймёшь. Кажется, правильно передала, – смутилась Надя.

– Злился?

– Совсем нет. Весёлый был. Шутил много. Вадь, а...

Кто он? Ну давай. Спроси. А я отвечу. Нечего уже терять. И будем решать, как дальше.

– ...а у тебя туфли грязные. Давай я помою?

4

– Молебн мы, конечно, заказали, – рослый бригадир мял в руках метростроевскую фуражку. – Но чтобы уж наверняка... Можно ведь и ваш ритуал, и освящение?

Невысокий мужчина, лицо которого наполовину скрывали круглые зелёные очки, кивнул.

– А оплата как?

– По факту, – сухо сказал спирит, почти не разжимая губ. – Результат устроит – заплатите. Бригада одобрительно загудела.

– Ну мы тогда того... Дежурный полицейский, он знает. Он вам мешать не будет.

– Идите уже, – раздраженно дёрнул плечом спирит.

Возражать никто не стал. За пару минут вестибюль опустел.

Оказавшись один, спирит повёл себя странно. Из рюкзака извлёк фонарь – старый, с ручкой, перемотанной изолентой. Подошёл к стене, долго водил пальцем по размытым потёкам, в которых смутно угадывались очертания букв. Наконец удовлетворенно кивнул. Минут десять ползал на четвереньках по рельсам. Наконец выпрямился, вытер пот со лба – и, вздрогнув, обернулся на знакомый голос.

– Посветить? – язвительно осведомилась Диана. – Конечно, вы тут ни при чём, Вадим Палыч. Мимо проходили. Равно как и я. Да?

Вадим часто заморгал. Свет ламп вестибюля слепил глаза, но ему всё равно удалось рассмотреть пистолет в руке следовательши.

– Надпись с ошибкой, – буркнул Вадим. – То послание, «подземелья оставьте мертвецам». Стилизация под старинную орфографию, но достаточно корявая. В слове «подземелий» только один ударный «е». Для редуцированных использовалась другая графема.

– Вы бы так не оплошали, да?

Вадим поморщился.

– Я понимаю, как всё это выглядит. Но я правда ни при чём.

– А зачем было ретироваться через окно? Ладно, спишем на интровертивный склад характера, – вздохнула она, опуская пистолет. – На рельсах что-нибудь есть?

– А что, ваши здесь ничего не осматривали? – удивился Вадим.

– Нет, – Диана ловко спрыгнула с края платформы. – Нас сюда и не звали. Ирония-то в чём? Никто не пострадал. На Шигарёвской одному метростроевцу стало плохо с сердцем. Он там полчаса пролежал, не меньше. Хотели бы убить – ничто бы не помешало. Ан нет. Убийство – это совсем другой уровень. Это уголовка. То есть эти силы зла грань-то не переступают... Имуущество – да, испортили. Но бравая вечерняя смена почти всё отмыла. Выходит, никаких нарушений закона нет. А за развенчание городских легенд сверхурочные не платят. Они пошли вглубь тоннеля. По сторонам змеились сплетения проводов.

– А мне не нравится это всё. С душком каким-то этот маскарад. Вот как здоровые мужики могли испугаться ряженой девки? Да хоть как она будь размалёвана! На станциях днём освещение отличное. И что, они томатный сок с кровью перепутали? И ни у одного не ёкнуло подбежать и помощь предложить?

– Скорее уж лопатой врезать, – буркнул Вадим.

– Ну или так. Вообще, в чём смысл? Разогнать строителей? Так свято место пусто не бывает, новые найдутся – сроки-то срывать нельзя. Для государя это метро как игрушка любимая. Сегодня звонили из столицы – Его Величество приедет на открытие. Вот не было ж печали!

– Может, это рабочие подстроили, чтобы прибавку к зарплате выпросить?

– Мистический коэффициент? – Диана закурила. – Умно слишком. И для наших никтофобов, которые подписи против метро собирают – тоже...

Она споткнулась. Вадим еле успел подхватить её.

– Неудобно же, – не выдержал он. – Как вы на этих каблуках?..

– Привычка, – Диана улыбнулась. – Помню, вернулась я сюда после войны. Иду по дворцовому проспекту – грязная, в шинели, в огромных сапогах. А май, между прочим. И девицы порхают. И не девицы, а очень даже тётки, тоже порхают. И все – в платьицах, на каблукках, тонкие-звонкие. И ведь, зараза, парни на них смотрят, а не на меня, орденосную героиню. Я-то думала, приеду... а, ладно. В общем, я на всю первую зарплату купила туфли. На каблукках, само собой. С бантиком.

Надя бы так не сглупила. Надя аккуратно вписывала доходы и расходы в разлинованную тетрадку. Надя ходила в удобных ботиках на плоском ходу.

Диана резко остановилась. Выхватила фонарь из руки Вадима, склонилась над рельсами.

– Парик? – Вадим, шурясь, взглядывался в тёмный комок пакли. – А это что за пятна? Кровь?

– Вот не знаю, – посерьёзнула Диана. – Тихо!

Он послушно затаил дыхание. Естественно, сразу же темнота тоннеля ожила, превратилась в хищную бездну шорохов. В завываниях ветра угадывалось чьё-то надсадное, хриплое дыхание. Господи, чем он, Вадим, думал? Восемь метров земли над головой, никто не услышит... Они тут вдвоём, один пистолет на двоих.

Точнее, так – очень хорошо, если они вдвоём.

– Нервы, мать их, – Диана закусил губу.

Что-то гулко ударило о рельсы – совсем близко! – и тяжёлое дыхание превратилось в вой, полный боли и отчаяния. Луч фонаря выхватил из темноты изъеденное язвами лицо. Пустые глазницы. Безгубый рот. За гнилыми пеньками зубов шевелилось что-то чёрное.

Фонарь выпал из разжавшихся пальцев Дианы, лязгнув о рельсы. Слеплённый темнотой, Вадим, заорав, шархнулся назад – и не смог удержать равновесия. Локоть обожгла острая боль. Что-то сжало его лодыжку.

– Беги! – крикнул он. Точнее, попытался крикнуть – из горла вырвалось жалкое сипение.

Громыкнул выстрел. Сквозь звон прорвался крик Дианы:

– Живой? Задело?

– Нет, – заорал он, но собственный голос доносился как сквозь вату.

Вспыхнул огонёк – слабый, дрожащий. Спичку зажгла, понял Вадим.

Оно было мертво. В копне спутанных волос что-то маслянисто поблескивало.

– Что это было? Ты видела? Видела?

– Отойди, – хрипло проговорила Диана. – Быстро. И не трогай это. Не смей.

– Оно заразное? – охнул Вадим.

– А я знаю? – выкрикнула Диана. Лицо её исказилось от боли – спичка обожгла пальцы и погасла.

Вадим несильно встряхнул её за плечи.

– Сходи на станцию, приведи дежурного. А я побуду здесь. Само оно не уйдёт, конечно, но за ним могут прийти другие. А нам нужны улики. Так ведь?

– Д-да, хорошо. А ты что – один? В темноте? С трупом?

– Уже доводилось, – поморщился он.

...Этого не могло быть. Но это было. Остановившийся взгляд. Струйка крови по щеке. И обжигающее отчаяние.

А ведь он даже не видел, как это произошло. Как и всегда, Вадим должен был лезть вторым – после того, как передаст Владу, уже забравшемуся на гребень забора, сумку с динамитом. Вытянутые руки дрожали от напряжения: взрывчатки было около тридцати килограмм. Потом стало легко – Вадим услышал, как сумка гулко шлёпнулась на промёрзшую землю по ту сторону забора. Поднял взгляд. Успел увидеть, как Влад нелепо взмахнул руками, услышал лязг железа и короткий, неприятный хруст. Через секунду Вадим уже был наверху. И с трехметровой – смешной, детской! – высоты глядел на Владу, распротёртого на груде острых железных обломков – только руки и лицо белели в свете фонаря.

Вадим тревожно обернулся на вспышку света. Это Диана, отошедшая уже метров на двадцать, чиркнула спичкой.

– Чуть что, стреляй! – крикнула она в темноту. – Без рефлексий! Ясно?

Мысли – яркие и чёткие, как слова на плакате.

Плавильщики придут в четыре. Олег – наш. Он проведёт к генератору. На всякий случай можно взять у Владу револьвер. Влад, честно говоря, даже хуже стреляет, – просто казалось само собой разумеющимся, что оружие понесёт он. Устанавливать взрывчатку сотню раз тренировались в заброшенных деревнях. Одному сложнее, конечно, времени мало. Но ничего невозможного. Так что – ничего не изменилось. Оставалось пойти и сделать. Закончить начатое.

Впереди, в тоннеле, что-то лязгнуло. Вадим вскинул руку с пистолетом, взвёл курок. Может, лечь на рельсы, притвориться мёртвым?

Со стороны Шигарёвской донёсся крик – короткий, резко оборвавшийся. Диана!

Вадим вскочил. Неуклюже переставляя затекшие ноги, бросился по тоннелю – спотыкаясь, падая, обдирая ладони о шершавую обмотку проводов.

Диана, сжавшись в комочек, сидела у края платформы.

– Что случилось? – Вадим дотронулся до её плеча. Она дёрнулась, как от удара током. Подняла голову. Вадиму стало не по себе от тяжёлого, мутного взгляда.

– Мистический коэффициент, – проговорила она. – Вернулся. Пришёл за мной.

На ступенях чётко отпечатались следы ботинок. Не Влад. У Влада были ножищи такого размера, что лет с пятнадцати приходилось делать обувь на заказ.

– Кто? Кого ты видела?

– Я домой хочу, – прошелестела она. – Домой.

– Да, конечно, – засуетился Вадим. – А ты где живёшь?

Она не ответила. Лишь неловкой, спотыкающейся походкой направилась к лестнице.

* * *

С неба то и дело срывались мелкие капли дождя. Диана брела по аллее – сгорбившись, опустив лицо. Молча. Вадим растерянно шёл рядом. Надо было вернуться в метро. Добежать до ближайшего участка полиции. Сделать хоть что-нибудь, ну хоть что-нибудь!

И всё же он шёл следом за ней. И зачем-то – молчать было совсем уж невыносимо – рассказывал ей про Владу. Про Революцию. Про то, что случилось на заводе и то, что было

потом – неприятно удивляясь тому, что про восемь спокойных лет и сказать-то нечего, вот то ли дело последние деньки.

– Да я ведь сам по себе ничтожество, если уж начистоту. Пока был с братом – стоил чего-то. А тогда, на заводе, у меня наконец появилось время подумать. Кто я такой, что мне надо. И вдруг я понял, что плевать мне на этот завод. Что мне оно, в общем-то, и не надо, вписываться в пантеон мучеников революции.

Они остановились напротив новой семиэтажки, возвышающейся над кривыми двухэтажными домиками.

– Знаешь, как в газетах пишут – такой-то и группа соратников, или приспешников, – заторопился Вадим. – Так вот, я всегда был из этих – приспешников. Я бы при любом режиме стоял на стрёме, подавал патроны. Вот такой я есть. Нет во мне...огня, что ли? Но зато это я, я настоящий. А не тень героя.

– Всё в тебе есть, – она разомкнула бледные губы. – Болтаешь только много. Иди домой. Жена небось заждалась.

Вадим стоял, прислонившись щекой к жестяной табличке со списком жильцов, и слушал, как удаляется и гаснет где-то в сонной тишине подъезда стук каблучков.

5

Вадим в нерешительности замер на пороге. Трижды нажал на кнопку.

Пистолет оттягивал карман пиджака. Вадим намучился с ним за эти дни. Носить в портфеле – так, в случае чего, и достать не успеешь. Заткнуть за поясной ремень? Жмёт и страшно. В кармане, впрочем, тоже страшно...

Он встречал Надю с работы вечерами. Хмурый, настороженный, шёл, отставая на два шага, – чтобы видеть и её, и всё, что вокруг. А она семенила и щебетала про путёвки в санаторий, про Янину из книгохранилища, про то, что было бы неплохо несколько пар носков купить с зарплаты.

А ведь он ей всё рассказал. Не в формате ночной исповеди перед Дианой, конечно. Но в общих чертах. Мол, есть злонамеренный человек, против которого полиция не поможет. Надя поохала, пообещала, что в случае чего жизнь отдаст за Вадюшу ненаглядного, но переехать к сестре в пригород, пока всё не утрясётся, отказалась. Работа же. Начальник ругаться будет. Янина в декрет уходит, заменить некем. К тому же в коробке под библиотечным крыльцом жили котики. Пять штук. И кто же их, кроме Нади...

Он шёл – и ему хотелось выть. Как он слушал этот щебет восемь лет? И ведь нравилось! Жертвенность и ответственность на грани мазохизма (да уж, общение с Дианой бесследно не прошло). Носки. Котики.

* * *

Диана открыла. Распахнутый халат открывал застиранные кружева ночной рубашки, но в этом не было ни на грош соблазна.

– Я вот пистолет принёс.

– Оставь, – поморщилась Диана. – Это не табельный.

– Ладно. А как...с метро?

– Очуметь как хорошо. Звонила вчера на работу – ты был прав. Мертвеца нашего, конечно, не нашли. Новых рабочих уже набрали. Начальство на них не нарадуется. И оклад-то их не интересует, и вкалывать готовы с утра до ночи, и дружные все. И работают, и прям молодцы.

Она посторонилась, пропуская Вадима в комнату. Беспорядок был жуткий. На столе красовался натюрморт из окурков, пузырьков со снотворным и кухонных ножей.

– Что-то случилось?

– Вот надо оно тебе, – Диана подошла к столу. Дрожащими, неловкими пальцами нащарила спичечный коробок. – Иди.

Через три сигареты она сказала – как будто невзначай, даже не глядя на Вадима:

– А ведь он сюда приходил.

– Тот?

– Да. Под окном стоял – с полчаса, наверное, – она зло скривилась. – А я – взрослая тётка, с оружием – сижу в кресле и реву. До сих пор выйти боюсь. Позвонила на работу, отгул взяла.

– А кто он? Я бы мог...

– Ты себе помочь не можешь, – разозлилась она. – Ну что тебе? Интересненького захотелось? Так ведь старо же, как мир. Жила-была девочка. С мамой и папой, как полагается. А потом папа возьми и умри. И мама приглашает пожить своего брата-профессора – чтоб мужчина в доме, и вообще. А я не так чтобы рада была дядюшке. Любила, знаешь, фыркать ему вслед, его пальто случайно с вешалки ронять. А ведь взрослая ведь уже была. Двенадцать лет.

Ну, он терпел. До поры. Потом заходит как-то в мою комнату с фотографическим альбомом и спрашивает: а ты знаешь, Дианка, где я работаю? И альбом – на стол. А там... Помнишь красоту из тоннеля? Вот такие вот. И говорит так спокойно: я ведь каждый день в специзольаторе бываю. Мало ли, инфекцию какую домой принесу. У меня-то уже практически иммунитет, а ты у нас натура нежная. И от всех комнат у меня ключи есть. Ты подумай, говорит.

И всё. И лежишь ночами в кровати и думаешь – а может, уже?.. Может, вчера ночью прокрался, инъекцию сделал? И считаешь, сколько колец на карнизе. Потому что если чётное, то значит, всё, а если нечётное, то пока ещё здорова. Бред такой! А в углу занавеска сбилась и непонятно, одно там или два. И лежишь. Потому что комната над его кабинетом, а пол скрипучий, а он не любит, когда шумно.

Точка невозврата. Сейчас ещё можно, пряча глаза: «Ужас какой, вы извините, но мне пора» – и к Наде, к непроверенным сочинениям, к собственному липкому страху. Потому что сейчас будет то самое, после чего уйти уже нельзя.

– А потом, за завтраком – бантики, сумка с учебниками, мам, передай сахар – сидишь и улыбаешься. Ему. И в коридоре, шёпотом, что будешь в его комнате в два. И нет, конечно, не удержишься. Ни на минуту.

Ужас какой, Диана Николаевна.

– И знаешь, выходит, я ведь сама напрашивалась. Он не заставлял. Ни разу. Только фотографии с работы нет-нет, да забудет на столе. Или придёшь комнату, а там – ерунда, мелочь – книжки на столе не так сложены. Или окно приоткрыто. Не как утром. И всё. Что? Мать, говоришь? Он же братик старший. Не поверила бы. Я ей потом – после войны, кстати, рассказала. Про всё, что он заставлял меня делать. Она орала минут пять, какая я лгунья, а потом, знаешь, так откинулась в кресле и говорит: ну зато у тебя с дисциплиной всё в порядке. Что? Ну зачем ты так смотришь? Иди уже...

* * *

Надя читала книгу за столом. Свет лампы падал на её лицо – мягкая, спокойная улыбка, ласковый взгляд.

Чему радоваться-то? Муж возвращается за полночь.

– Вадюша, ты не замёрз? – она поднялась ему навстречу. – Там ведь дождь прошёл. Хочешь чая?

– Надя, я тебе изменил, – проговорил он – медленно, отдельно, ощущая свинцовую непоправимость своих слов. – Ты поняла?

– Вадюша, ну что же ты так переживаешь! – она всплеснула руками. – Ну бывает. Мужчины, они вообще полигамны. Это ведь была приличная женщина? А то я могу завтра пригласить Ивана Францевича из сорок пятой. Он специалист по...ну, всяким недугам. А сейчас – разуйся, тебе же на работу к восьми, надо выспаться...

И вот тут ему стало страшно.

Она вообще – человек?

6

Диана не сразу его заметила. Она, казалось, вообще ничего не замечала. Шла по улице неловкой, дёрганой походкой, на губах играла странная улыбка.

– Я тебя полдня искал! – Вадим подбежал к ней, схватил за руку. – Куда ты пропала?

– Я там была, – перебила она его. – В том доме. В его комнате. Там всё как тогда. И ничего, – взвился её голос. – Ничего! Я смогла, понимаешь?

– Убила его? – охнул Вадим.

– Пока нет, – она нехорошо усмехнулась. – Но это пока. Я знаю, где он. Там же все его документы остались. Слушай. Он работал в изоляторе на Старосвятской улице. Да знаю я, что такой нет!

Вадим поёжился, поймав сочувственный взгляд прохожего.

– Зато есть кладбище с таким названием. То самое, из-за которого старухи подписи против метро собирают.

– Но на кладбище нет никаких больниц!

– На кладбище – нет. А под кладбищем? Это центр города, там катакомбы ещё с пятого века. И понятно, кстати, как мёртвые девочки, которые не мёртвые и не девочки, в тоннель попадали.

– Да зачем же строить больницу под землёй? – беспомощно воскликнул Вадим.

– Не больницу. Специзолятор. Медицина – наука в первую очередь экспериментальная.

Вадим неуверенно кивнул. Вспомнилось что-то из детства – тихий голос Влада, рассказывающего про тайный город под землёй, где ждут своего часа живые мертвецы. Какие-то школьные страшилки про забытый лепрозорий.

– У них, похоже, симбиоз с твоим братишкой. Он им – защиту, так как с биологическим оружием режим свергать как-то веселей, они ему – исследования. Ну и парочку чудовищ напрокат. Зачем? Да это как раз понятно, – отмахнулась Диана. – Хорошая затея: распугать метростроевцев, чтобы на вакантные места пристроить своих людей. Ведь чем выше концентрация пламенных сердец среди станционного персонала, тем легче подстроить теракт после открытия. Я уже написала обо всём в полицию, отправила заказным письмом. Завтра оно дойдёт.

– Почему завтра?

– На сегодня у меня свои планы. Тебя не зову. Хотя почти уверена, что и твой брат там неподалёку. Ты ведь для этого меня искал?

– Не совсем. Ты послушай. Просто послушай.

Вадим достал из портфеля книгу с библиотечным штампом на обложке. Перевернул несколько страниц, начал читать:

– «Было ему немногим за пятьдесят. Высокий, молодцеватый, он носил волосы на косой пробор и не спускался в столовую без галстука – истинное дитя своей эпохи, чопорных восьмидесятых. Курил он всегда вишнёвый табак – этот запах, казалось, навечно»...

– Что это за дрянь? – хрипло спросила Диана. – Про галстук. Про табак. Я не говорила.

Он протянул ей книгу.

– Двадцать пятый год. «Дилемма отца Якоба». Ты не могла не читать. Тогда все с ума сходили по этим историям про прелата-детектива. И когда ты вчера рассказывала мне, я вдруг вспомнил, кого твой дядя мне напоминает. Ну смотри, один в один! И там ещё дальше...

– То есть я его выдумала, – медленно, вразяжку произнесла Диана. – Вся комната заставлена его барахлом. Одежда. Документы. Старые фотографии. Но я его придумала, конечно. Прочитала эту твою книжку – и придумала зачем-то. Зачем, не подскажешь?

Сейчас никакие слова не могли быть правильными.

– Тебе нужен был ужас, чтобы его преодолеть. Чтобы почувствовать себя сильной, – жалкие, картонные слова давались с трудом. – Он был тебе нужен, чтобы ты стала собой.

– Очень нужен. Прямо-таки необходим. Разве можно сформироваться как личность без дядюшки-извращенца? – её голос был спокойным. – Знаешь что? Ты сейчас разворачиваешься и уходишь. Очень быстро, потому что я, чёрт возьми, не железная!

* * *

Вадим тупо тарашился на потёртый переплёт. Надо обратно в библиотеку отнести. Вернуть Наде ключи от зала. А она будет улыбаться. Она ведь всегда улыбается.

А ещё никогда не болеет. Ни о чём не просит. Ни на что не обижается. Не задаёт неудобных вопросов. Любовь, мать её, и забота. И ничего кроме.

Края обложки впились в пальцы.

Идеальная жена. Такое же ампула, как и учёный-маньяк. Как и фанатик-пассионарий.

Вадим рванул на себя дверь зала каталогов. Полная женщина, привстав из-за конторки, что-то гневно залопотала ему вслед.

Нади не было. На спинке стула висел её бежевый жакет, на столе лежала раскрытая книга. Та же, что и неделю назад.

– Да что вы себе позволяете! – толстуха вцепилась в его рукав. От неё пахло дешёвыми духами, лекарствами и квашеной капустой. Почему-то это нелепое сочетание успокаивало. – Это государственное учреждение!

– Где Надя?

Сейчас она спросит: «Какая Надя?». И останется только шагнуть в окно. Хотя ведь невысоко. Высота – метра три...

– Вышла. На пять минут. К посетителю. И нечего тут дверью хлопать!

7

Мальчишка сидел на кладбищенской скамье и задумчиво жевал рогалик. При появлении Вадима сразу вскинулся, развернул газету – с проверченными дырочками, надо полагать – и стал изображать увлечённое чтение.

На кладбище. Под дождём.

Это было так глупо, что у Вадима отлегло от сердца. Живой. Настоящий.

– Эй, товарищ! Нельзя! – окликнул он Вадима, когда тот свернул на заросшую аллею.

– Влад запрещает?

– Вы кто? – растерялся парень.

– Человек, у которого есть пистолет, – скривился Вадим. – Достаточно?

* * *

– Всё, дальше уж сами, – проворчал юнец, локтем открывая дверь неприметной сторожки – дотрагиваться до ручки он, видимо, побаивался. – Только там страшно, жуть!

Вадим спустился в подвал по крутым стоптанным ступеням. Длинный извилистый коридор освещался тусклыми электролампочками. Стены, выложенные кафелем. Ряды стальных дверей по обе стороны. Грязные разводы на полу.

Страх, перебродив, превращается в ярость, – мелькнула в голове фраза из теперь уже дважды сожжённого романа. Ох, если бы так... Но страшно не было. Это точно.

В тёмной нише вповалку лежали статуи химер – видимо, сколотые с надгробий во времена народовластия, да так и не пристроенные обратно. Львиные лики скалились из-под слоя пыли. Заляпанные известью, прикрытые нелепой цветастой тряпкой, химеры вызывали не ужас, а брезгливую жалость.

А что, славный способ проверки, скривился Вадим. Смена контекста. Настоящее – меняется вместе с ним. Неживое, рукотворное – остаётся собой.

Нет, страшно не было.

Хотя руки всё равно дрожали.

* * *

Вадим подошёл к призывно приоткрытой двери. Заглянул в комнату.

Вот они, оказывается, какие, когда его нет рядом – сидят рядом на койке, бессмысленно глядя на противоположную стену; Надя улыбается...

Влад вскинулся, схватил со стола пистолет.

– Отпустите! – крикнула Надя надорванным голосом. – Ну что, что я вам сделала?

– Вадь, заходи, – Влад смерил его презрительным взглядом. – Да уж... Такой был славный мальчик. А стал учительшкой с мелкобуржуазными замашками. Самому-то не противно?

– Зато ты не изменился. Хотя вообще-то людям это свойственно.

Он не понял. Или не подал вида.

– Значит, так. Я до сих пор считаю, что каждый имеет право на работу над ошибками. Правильно, господин словесник? Твоя полицейская знает о нас. Мои друзья утверждают, что утром вы с ней болтали о некоем письме. Письмо мы изыщем, а вот с бабой надо что-то делать. Тебе она доверяет...

Незаметно взвести курок не вышло – щелчок отдался эхом в тёмных углах комнаты.

– Ясно, – поскучнел Влад. – Второй вариант.

Он приставил пистолет к виску Нади, притянув её к себе, как куклу.

– Понимаю, чувства остыли. Но смерти её ты не хотел бы, а?

– Вадим, не думай обо мне! – страдальчески выкрикнула Надя. – Делай, что подскажет сердце!

– Надя, кто ты? Что ты за существо?

– Человек, – удивлённо ответила она. – Твоя жена!

Тварь. Восемь лет жрала его, топила в своей липкой заботе. Восемь лет врала ему – и продолжает врать.

– Что ты задумал? – Влад растерянно глядел на него. Чёрное дуло всё так же прижималось к виску Нади. – Вадь, я ведь правда... Я её убью, если ты...

– А пусть сама решит. Надя, убить тебя?

– Как скажешь, Вадюша. Как считаешь нужным, – она лучезарно улыбнулась.

– Считаю до трёх! – жалобно, визгливо выкрикнул Влад, прижимая к себе Надю.

– Бывай, – бросил Вадим. И нажал на спусковой крючок.

На один жуткий, бесконечный миг ему показалось, что он ошибся.

Кровь у них была человеческая. И вместе с кровью постепенно уходило то, что делало их похожими на людей. Лица разглаживались, приобретая безжизненную симметрию, глаза теряли цвет, превращались в круглые слюдяные озёрца.

Не люди – наброски.

Он дотронулся до Надиной щеки, до гладкой сухой кожи, похожей на папиросную бумагу. Брезгливо отдёрнул пальцы. Хотя чего кривиться? Это же его химеры. Те, кого он создал, чтобы стать человеком.

Влад появился, когда ему хотелось бурь. Надя пришла вместе с покоем.

Только кто он – теперь? Без них?

Он в последний раз окинул взглядом комнату – и бросился прочь.

* * *

Пальцы Вадима впились в кладбищенскую ограду. Из горла вырвался нервный смешок. Подышал воздухом, да.

Сколько же их было – сияющих, радостных химер...

Парень, влюблённо заглядывающий в безглазое лицо. А за ним в двух шагах – поникшая девушка с дрожащими, искусанными губами. Та, что создала заведомо счастливую соперницу. Ведь нелюбимой быть как минимум поэтично.

Младенцы в колясках – вот на них смотреть было страшно – и болезненное, воспалённое счастье в глазах матерей, только так сумевших утвердить свою жертвенность и незаменимость.

Существо в нарочито неприметном сером костюме – службист. Их-то кто сотворил? Народ, привыкший, что просто так ничего не даётся, и за счастье нужно пострадать?

Где-то там, под землёй, грохнул выстрел. Вадим, вздрогнув, разжал побелевшие пальцы. Бросился обратно в сторожку, поскальзываясь на размокшей от дождя земле.

Диана стояла, сгорбившись, над лежащей ничком долговязой фигурой.

– Не подходи, – сказала она, не оборачиваясь. – Потому что если ты – такая же тварь, то я...

– Тварь, – кивнул Вадим. – Но другая. Посмотри на меня.

– Не надо, – всхлипнула Диана. – Уходи. Уходи, пожалуйста.

А что если и она?

Холодок пробежал по спине Вадима.

Ведь она тоже появилась так вовремя. Невозможная. Со своей руганью, солдатскими папиросами, туфлями... Невозможная и необходимая.

– Обернись, – попросил он мягко. И бросил пистолет на землю.

Потому что если даже и так...

Охота на зайцев по первому снегу # Виктор Точинов

1. Витебский-Главный – Сортировочная

– Баловство, – сказал Капитоныч, повертев нож и вернув Веймарну. – Я их руками добиваю. За шкирятник приподыму и вот так вот позвонки ломаю. Хрусь – и все.

И он показал – как. Сжал пальцы левой руки в кулак, изобразил нечто вроде головы с шеей, а ребром правой ладони по «шее» легонько рубанул.

Капитоныч был мужик на редкость крупный и дородный. Фигура и длинные отвислые усы делали его похожим на моржа. Ладони размерами напоминали моржовые ласты, а кулак был с дыньку-«колхозницу». Такая ладонь и мамонту позвонки без натуги переломит, считал Славик. Он не любил Капитоныча.

Веймарн выглядел обиженным пренебрежением к своей обнове. И стал горячиться, доказывать, что нож хорош, и настоящей немецкой работы, и не здесь куплен... Он-то, Веймарн, вообще его не покупал, но даритель привез из Пассау, вот и клеймо – голова волка – имеется, и сертификат дома лежит, со всеми печатями.

Славик не стал разочаровывать профессора и говорить, что присматривался к точно такому же охотничьему ножу в оружейном на Апрашке. И голову волка осмотрел, и с сертификатом ознакомился... Славик понимал немецкий после школы с пятого на десятое, но все же уразумел: сделан нож хоть и под присмотром владельцев бренда, да не в Германии, а руками формозских китайцев... Знакомец профессора мог и не соврать, где купил нож: ничто не мешает продавать в Пассау клинки, сработанные за тридевять земель.

Сам Веймарн языком исторической родины не владел. За три века жизни в России Веймарны обрусели настолько, что из немецкого осталась у них лишь фамилия, да и та сто лет назад видоизменилась: с началом германской войны, когда Петербург обернулся Петроградом, предки Иван Иваныча поддались общему патриотическому порыву и отбросили приставку «фон». Петроград в конце концов стал снова Петербургом, но фон Веймарны так и остались Веймарнами...

– Все одно – баловство, – равнодушно ответил Капитоныч на горячую речь профессора. – Заяц не кабан, нечего об него нож марать. А коль за руки свои хирургические опасаться, так прикладом работай, и вся недолга.

2. Сортировочная – Проспект Героев

Проехали Сортировку, новых пассажиров в вагоне не прибавилось.

Электричка была не самая последняя, за ней с вокзала отходили еще две, но на Павловской развилке те уходили на другие ветки. Так что можно сказать, что последняя.

В вагоне пока находилась лишь их компания, но Славик знал: в Купчино, где метро, возможно подсядут еще несколько человек. Но наверняка вскоре сойдут, – пассажиры, что едут далече, все собираются в передних вагонах: платформы на дальних маленьких станциях короткие, на четыре вагона, иногда на шесть. Их же компания устроилась в самом конце состава: тамбур за спиной был последним по ходу поезда.

3. Проспект Героев – Ручьи

На Героях снова никто не подсел, они и дальше ехали впятером.

Ездить на охоту именно в таком числе – традиция давняя, и если иные традиции в их компании иногда, в виде исключения, единократно нарушались, то эта – никогда.

Нерушимое правило соблюдалось уже не первое десятилетие. И даже не первый век, вот так-то...

Традицию привез издалека один из первых фон Веймарнов и внедрил на русскую почву в своем поместье под Ямбургом. Ничего сакрального цифра «пять» не содержала: именно столько людей вмещали охотничьи сани-розвальни фон Веймарна, – четверо седоков и кучер.

Езда на санях давно ушла в историю, да и место проведения охоты неоднократно менялось, – но охотились лишь впятером, и никак иначе. Если кто-то не мог принять участие: заболел, например, или уехав по срочному делу, – выезд откладывался до его поправки или возвращения.

Если охотник выбывал насовсем – по причине серьезной болезни, или старости, или смерти – к нему, или же на его поминки, приходили все четверо и справляли ритуал прощания... После чего выбывший навсегда исчезал из их жизни.

А компанию пополнял один из кандидатов, поджидавших своей очереди. Так здесь очутился Славик, почти два года назад. Верность традициям, пронесенная сквозь войны и все катаклизмы, сотрясавшие страну, очень нравилась Славику. И нравилась бы еще сильнее, если бы не Капитоныч...

4. Ручьи – Купчино

Капитоныч был неформальным главой компании охотников и главным хранителем традиций. Он не обладал абсолютной властью и не мог навязать решение, противное воле большинства. Но имел право вето: если говорил нет – значит нет, не обсуждается.

Когда Капитоныч покинет компанию (Славик весьма надеялся, что радостное событие на долгие годы не отложится), хранителем традиций станет Иван Иванович Веймарн. По возрасту полагалось бы Валентину Арнольдовичу, но тот загодя отказался: дескать, здоровье уже не то, и он подумывает о завершении охотничьей карьеры... Так что он пас, и очередь переходит к следующему.

Да и то сказать, Веймарн лучше годится на роль главы коллектива: аристократ, голубая кровь, белая кость и все такое...

Только они двое, Веймарн и Капитоныч, были прямыми потомками самых первых охотников. Вернее, Славик подозревал, что предок Капитоныча был кучером, вывозившим охотников-дворян на заячью стрельбу... Какая уж тут голубая кровь, смешно даже. Потомственное было.

Очень жаль, что Веймарн станет последним представителем своего славной фамилии в их рядах. Сын у него есть, но... Но там какая-то мутная история, Славику ее толком никто не рассказывал, слышал лишь обмолвки да намеки: не то сын с детства ненавидит охоту, не то что-то еще...

Обидно, до слез обидно, человек по фамилии Веймарн среди пятерых охотников – сам по себе живая традиция... Может, еще одумается непутевый отпрыск... Или вдруг профессор заведет себе позднего ребенка, ему в районе полтинника, но на вид еще ого-го, может и замутить с какой-нибудь молоденькой аспиранткой.

5. Купчино – Ольгино

Славик угадал – в Купчино и впрямь вошли несколько пассажиров, человек шесть или семь, но расселись поодаль, разговору не мешая.

А вплотную к охотникам не подсесть: впятером занимали весь шестиместный отсек электрички, поклажи хватало. Еще одна традиция предписывала: едешь на охоту на день, бери припасов на неделю. Соблюдали, и брали не только продукты, но и палатки, и спальники, – один раз старое мудрое правило выручило, когда случилась сильнейшая вьюга, никакими прогнозами не предугаданная: разбили лагерь и больше суток пережидали непогоду.

После Купчино электричка поднырнула под КАД, и вскоре за окном замелькали поля, покрытые снегом и залитые лунным светом. Сердце Славика забилося сильнее в предвкушении первой в сезоне зимней охоты.

Веймарн, напротив, завел речь об охоте минувшей, осенней:

– Я все же, господа, больше за зайцами по черной тропе ходить люблю... Казалось бы, и добыча осенью скудна, и шубки у зайцев по зиме куда лучше и в ценности с осенним заячьим нарядом не сравнимы, но все ж мне чернотроп милее. Воздух как хрусталь, грибами пахнет, журавли в вышине курлыкают, и вообще сплошной Левитан вокруг... Зимой не то.

– Зимой не то, – вроде бы согласился Капитоныч, но лишь для того, чтобы тут же выдать порцию быдлярской критики. – Зимой ты все сам делаешь, все своими ручками-ножками, по чесноку зайца берешь. А осенью? Его тебе собаки и унюхают, и загонят, и под выстрел выставляют, – только спуск дернуть и остается. Сечешь, в чем разница? То-то. А Левитаном твоим я бы подтерся, да холстины у него жесткие. Не за Левитаном на охоту ездим.

Славилу тоже больше нравилась охота осенняя, хоть и по иной причине: туда они выезжали своим транспортом, и можно было подгадать так, чтобы оказаться в разных машинах с Капитонычем.

Увы, идеальное для зимней охоты место находится в такой бездорожной глухомани, что не только «мановар» Славика не пройдет, но и насчет «гарпии» Веймарна большие сомнения имеются. Они, наверное, могли бы в складчину приобрести какой-нибудь специализированный колесный вездеход, но... Но опять же традиция, заложенная еще в те времена, когда охотники о вездеходах и мечтать не могли: зимой – поездом.

– А мне по барабану: черная тропа, белая... – неожиданно заявил Гоша. – Я просто стрелять люблю. Ну и печенку кабанячью люблю, над углями запеченную.

Гоша, сорокалетний слесарь с «Балтмета», был редкостно молчалив. И что бы он ни сказал сам, не спрошенный, получалось всегда неожиданно. А стрелять он не только любил, но и умел изрядно. По результатам шел вторым после Капитоныча, тот был вне конкуренции.

Иван Иваныч посмотрел на Гошу долгим взглядом, и при желании во взгляде легко читалась мысль: да разве же только в стрельбе и в горячей ароматной печенке вся прелесть и поэзия охоты? Да, два ее финальных аккорда хороши, спору нет, – но разве это повод, чтобы пропускать мимо ушей всю симфонию?

Веймарн даже открыл рот и произнес что-то, наверняка сочувствуя Гоше, осуждать он никого не любил, – но слова профессора перекрыл громкий мертвый голос из динамика, поведавший, что электричка прибывает к станции Ольгино, и выходить надлежит с левой стороны.

Повторять Иван Иваныч не стал, и Гоша остался без своей порции сочувствия. Да и не нуждался в ней, наверное.

6. Ольгино – 21-й километр

Следующую остановку – впрочем, недолгую – проехали в молчании. Словно Гоша дурацкой репликой поломал всю беседу. На деле было не так. Слишком мало у них находилось тем для разговора, чересчур разные люди, ничем, кроме охоты не связанные. А уж про охотничьи дела за многие совместные выезды говорено-переговорено, по третьему кругу повторяются... Лишь Славику, с его недолгим опытом совместных охот, многое было в новинку. Но и он голос не подавал, опасаясь привлечь внимание Капитоныча. Человек-морж молча долго не просидит, живо начнет искать, до кого бы докопаться.

7. 21-й километр – Мариенталь

Докопался Капитоныч до Валентина Арнольдовича. Заметил вдруг, что тот с самого вокзала не проронил ни слова, и лицо мрачнее тучи. Немедленно спросил: что случилось с любезным коллегой? И тут же, не давая ответить, предположил: а не изменяет ли Валюше жена?

Судя по кривой ухмылке Гоши и плотно сжавшимся губам профессора, они с супругой Валентина Арнольдовича встречались, и если не оценили шутку, то хотя бы поняли.

Славик сей достойной даме представлен не был, и смотрел на Валентина Арнольдовича со слабой надеждой: вдруг Капитоныч наступил на такую большую мозоль, что сейчас получит по зубам?

Увы, не получил...

Валентин Арнольдович лишь помрачнел еще больше и ни слова не произнес в ответ.

Капитоныч не унимался: надо, непременно надо Валентину Арнольдичу завести себе плакат с издалека заметной надписью «Я НЕ ЛОСЬ!!!»

И привязывать тот плакат к рогам. Во избежание. А то ведь на охоте всякое случается...

Валентин Арнольдович молчал.

Капитоныч продолжил изощряться в остроумии. Но ответа так и не услышал. Никто иной тему тоже не стал развивать. И помаленьку запас шуток юмора иссяк.

А со Славиком вдруг приключилось озарение...

8. Мариенталь – Курорт

Со Славиком приключилось озарение. Толчок к нему дал Капитоныч, сам о том не догадываясь. Наверное, Капитоныч считал все только что сказанное невинными дружескими подколками... Но невзначай высказал серьезную и дельную мысль. Случается такое. Даже стоящие часы дважды в сутки показывают правильное время. Даже в быдлечьем словесном поносе может сверкнуть драгоценное зерно истины...

Славик не побрезговал зерно поднять и оттереть от коричневой липкой субстанции. И теперь разглядывал его так и сяк, потеряв интерес к дальнейшему разговору, вообще не его не слыша.

Он вертел подобранную мысль, и та, как самоцвет, поблескивала своими гранями.

На охоте всякое случается...

Случается на охоте всякое...

На охоте случается всякое...

У них пока – за то время, что Славик ездит с компанией, – пока ничего всерьез неприятного не случилось. Пока не случилось... Но кто-то ведь сказал, Славик не помнил, кто: все плохое, что может произойти, непременно когда-то произойдет...

И он выложил рядом с найденным в дерьме самоцветом второй, уже самолично ограниченный.

С кем-то из них на охоте случится нехорошее... Несчастный случай, называя вещи своими именами. Рано или поздно с кем-то произойдет. Закон больших чисел вступает в действие: чем дольше охотник ездит на охоту, тем выше у него вероятность расслабиться, пренебречь правилами безопасности, – и угодить под заряд картечи, например. Обычное дело, особенно по пьянке.

Конструкции из двух самоцветов (да что там самоцветов... бриллиантов!) явно не хватало завершенности... Недоставало третьего, связующего элемента.

Славик отыскал его без труда, финальный вывод прямо следовал из предшествующих.

Что значит «с кем-то произойдет»? Кто тут дольше всех ездит на охоту? Капитоныч. Кто умудряется нализаться не то что до завершающих посиделок у костра – но даже до начала стрельбы? Опять же Капитоныч. Метко стрелять это ему каким-то чудом не мешает, но речь не о том. Получается, что Капитоныч в группе риска. Повышенного риска, запредельного. И если что-нибудь случится, то непременно с ним...

Три мысли-бриллианта устремились друг к другу и слились в огромный и сверкающий Кохинур.

Славик опасливо оглянулся по сторонам: не увидел ли кто блеск сокровища?

9. Курорт – Большое Кузьмино

Пока Славик разбирался с бижутерией в своем мозгу, разговор вновь увял, да и был он не разговором – издевательским монологом Капитоныча.

После долгой паузы, уже на подъезде к Кузьмино, Веймарн положил руку на плечо Валентину Арнольдовичу, спросил негромко и сочувственно:

– Суставы?

И оказалось: одно по-доброму произнесенное слово способно сделать больше, чем все потоки липкого и коричневого... Валентина Арнольдовича прорвало: да, да, суставы, черт бы их побрал, у него единственная проблема, вернее две единственных проблемы – одна в левом колене, другая в правом...

10. Большое Кузьмино – Сарская Мыза

Про проблему Валентина Арнольдовича они знали давно. Когда Славик стал полноправным охотником, проблема уже стояла в полный рост. А вот Валентин Арнольдович уже тогда вставал с трудом – как-то нелепо поднимался со стула, широко раздвинув ноги, – иначе, при вставании обычным манером, в коленных суставах раздавался хруст, слышимый даже со стороны, и, по словам страдальца, весьма болезненный.

По ровному месту, однако, болезнь передвигаться не мешала, – и не только ходить, но даже бегать, и лишь при спуске по лестницам возникали легкие болезненные ощущения.

Минувшей весной недуг резко обострился. Славик не помнил его точное название, какой-то-там-артроз, но если объяснять на пальцах, то хрящ в суставах истерся и стал тонким, как бумага. Тогда Виталий Арнольдович и заговорил о завершении охотничьей карьеры...

Но доктора поставили бедолагу на ноги: курс таблеток, курс инъекций в суставы, – и по чернотропу он охотился наравне со всеми, хоть и видно было, что передвигается не как встарь, а с осторожностью.

Арнольдыч рассказал: теперь, в затянувшиеся межсезонье, ему опять поплошало... И этот выезд для него последний, едет на уколах. Жаль расставаться, столько лет вместе, но...

Врачи обещают операцию и новые хрящи, искусственные, из тефлона. Но он первым делом спросил докторов об охоте, и получил категоричный ответ: забудь. Ходить после операции будешь, вот и ходи, радуйся. По тротуарам ходи, на бездорожье не сворачивай.

Тут все дружно посмотрели на Ивана Ивановича. А на кого же еще смотреть при таких известиях, как не на знаменитого ортохирурга и травматолога?

Веймарн промолчал. Видать, врачи не соврали.

Но это значит... Это значит, что в их пятерке появится новичок.

Капитоныч удивленным не выглядел. Значит все знал, и, зная, – издевался. Гнида...

Гнида немедленно подтвердила догадки Славика: да, новичок появится, и очень скоро, не пропадать же сезону. Есть у него созревший кандидат. Отличный парень, и стрелять умеет...

Последняя фраза Капитоныча прозвучала незакончено, оборвано... Словно хотел сказать «умеет, в отличие от кое-кого», но не сказал, передумал. Однако на Славика глянул вполне выразительно: мол, про твои охотничьи достижения еще поговорим, все впереди.

Славик понял: мелькнувшая у него надежда, что появится новый объект для издевательств, – беспочвенна. Капитоныч приведет своего человека, а должность мальчика для битья останется за Славиком.

Валентина Арнольдовича теперь было уже не заткнуть... Жаловался, что не сможет прожить без охоты, зачахнет от тоски. Говорил, что будет иногда – потихонечку, полегонечку – ходить стрелять зайцев из засидки на краю капустного поля: если удачно выбрать место, парочку за ночь уложить можно.

Все вежливо соглашались. И все понимали: утешает себя, засидка – не то, адреналиновый всплеск совсем короткий: увидел зайца, выстрелил, и все. Несколько секунд за долгие часы ожидания. Зато суставы не напрягаются, что да, то да.

11. Сарская Мыза – Павловское

За разговором о бедах Валентина Арнольдовича и о грядущем обновлении рядов даже не заметили, как проехали Сарскую Мызу. Славик точно не заметил – глянул в окно, а там уж Павловское... Как будто телепортировались.

12. Павловское – Спасовка

Павловское – станция особенная. После нее Веймарну надлежало произнести ритуальную фразу, и он ее произнес. Фраза была проста:

– А не пора ли нам немного согреться?

Пить до Павловского не стоило – в вагон неожиданно мог зайти наряд городских полицейских, со всеми вытекающими последствиями. В Павловском наряд сходил с электрички, здесь заканчивалась их зона ответственности (заодно сошли и двое последних пассажиров, из тех, кто сел в Купчино).

Сегодня ритуал пришелся удивительно ко времени, и рассеял грустные мысли Валентина Арнольдовича... Или не рассеял, но хотя бы закруглил попытки остальных утешить коллегу.

Из профессорского рюкзака появилась бутылка бренди «Санта-Клер» и крохотные стопки-наперсточки, затем пакет с закуской.

Славик знал – исключительно по рассказам, разумеется, да и рассказывали ему с чужих слов – что некогда в их компании выпивали перед стрельбой полуштоф шустовского коньяка, что было на пятерых идеальным количеством. И дух поднимало, и стрельбе ничуть не мешало...

Потом, когда коньячно-водочная империя братьев Шустовых приказала долго жить, а прочие производители перевели свою тару на метрическую систему, наметилась проблема:

бутылки емкостью ноль пять литра – маловато, ноль семьдесят пять – многовато, а везти с собой початую бутылку – такой же моветон, как и не распить ее до дна.

После долгих проб и экспериментов остановились на «сантаклеровке», как по-быдлярски звал ее Капитоныч. Английская пинта с допустимой погрешностью соответствовала полуштофу: на пятерых как раз по четыре наперсточка каждому. А качество напитка удовлетворяло запросам Веймарна, другие могли бы обойтись и чем попроще.

Разливал, разумеется, профессор – кому ж еще доверить: рука не дрогнет, и дозы отмеряет с точностью до миллиграмма. Натренировался со скальпелем.

Капитоныч сказал, что и должен был сказать:

– Ну, вздрогнули!

И они немедленно выпили.

После первой не закусывали, традиция. А Капитоныч и после следующих доз к закуске не притрагивался, занюхивал воротником, – тоже традиция, хоть и не такая давняя.

13. Спасовка – Спасовка-2

Иван Иванович сооружал многослойный бутерброд: ломтик багета, ломтик сыра, ломтик болонской ветчины, – без дураков болонской, из Италии привезенной.

А Славик любовался профессорскими руками – вроде и крупные кисти, но кажутся изящными, до того пропорциональны, – никакого сравнения с моржовыми лапами Капитоныча. Вот она, голубая-то кровь... Пальцы длинные, сильные... скрипачу-виртуозу под стать. Профессор, кстати, на скрипке играл, и для любителя очень неплохо.

Но покамест виртуозные пальцы отложили в сторону бутерброд и взялись за бутылку, накапав по второй.

– За удачу! – сказал Капитоныч полагавшееся, выпил и вновь уткнулся носом в меховую опушку воротника, надолго, секунд на пять-шесть.

Организм Капитоныча имел непонятную для Славика особенность. Вроде и пил Капитоныч наравне со всеми – а когда добирались до места, казалось, что заглотал раза в три больше прочих, как минимум.

У Славика имелись версии, объяснявшие странность.

Первая: такой уж метаболизм, повезло человеку, пьянеет с малого, экономит и деньги, и ресурсы печени.

Вторая: под охотничьей курткой спрятана плоская фляжка, а трубочка выведена в воротник, – и, якобы занюхивая, Капитоныч добавляет.

Третья, самая реалистичная: морж-алкоголик пьет накануне охоты, и развозит его на старые дрожжи.

14. Спасовка-2 – Святокоммунарск

После второй полагалось перекурить.

Курили двое из пятерых, профессор вынул массивный портсигар и оделил Капитоныча и Гошу двумя папиросами с длинными бумажными мундштуками, как бы даже и самокатанными.

Гоша с Капитонычем удалились в тамбур, а Веймарн, убирая портсигар, достал и быстро сунул Валентину Арнольдовичу нечто небольшое. Славiku показалось – визитная карточка, но он сделал вид, что ничего не заметил, что смотрит в окно.

Традицией им предписывалось общаться лишь на охоте, и никаких прямых контактов во внеохотничьей своей жизни они не должны иметь... Координатором и связующим звеном был

Капитоныч. Славик порадовался, что при его попустительстве эти двое хоть немного насолят быдломоржу.

15. Святокоммунарск – 69-й километр (без остановки)

Как проскочили 69-й километр, Славик не заметил, да и мудрено было заметить во мраке. Там стояла платформа-призрак, ни одна из проходящих мимо электричка возле нее не останавливалась. Ни единого фонаря, ни единого освещенного окошка... Надо специально вглядываться, чтобы заметить, как промелькнет мимо темный силуэт платформы.

Вглядываться было некогда: добивали бутылку и закуску, под тосты «Чтоб рука не дрожала!» и «Ну, чтоб не последняя!»

Целью их поездки была точно такая же платформа-призрак. Но там поезд останавливался на короткий миг, хоть по расписанию и не должен был: у них имелась договоренность с машинистом.

16. 69-й километр (без остановки) – Васино

Теперь профессору надлежало ознакомить их с какой-нибудь технической новинкой в области охоты.

Иван Иванович был силен в теории: и всю охотничью классику перечитал, и за современной периодикой следил, в том числе и за издававшейся на английском. Плюс к тому регулярно заказывал и опробовал всевозможные технические новшества.

Нельзя сказать, что все познания сильно помогали Веймарну, когда дело переходило от теории к практике. Да и хитроумные изобретения как-то не способствовали успешной стрельбе... По результатам профессор шел на предпоследнем месте, опережая лишь Славика.

Сегодня он презентовал охотничьи патроны – картечные, особым образом снаряженные. Непочатая пачка была вскрыта, и все получили по патрону: и для иллюстрации к рассказу, и чтобы сами могли опробовать позже.

Славик обрадовался, – фирма «Бергель», всемирно известный бренд, у него на такие боеприпасы попросту не хватало финансов.

Гильзы по новой моде были сделаны из прозрачного пластика, что позволяло прекрасно разглядеть всю начинку. Оказалось она примечательной, в патрон последовательно уложена мелкая картечь трех видов: обычная круглая, кубическая и сделанная в виде чечевицы.

Профессор пояснил: все знают, как порой случается, – готовишься стрелять на приличной дистанции, а заяц негаданно выскочит чуть не под ноги, менять патроны в ружье некогда, приходится стрелять теми, что в стволах. Заряд летит плотным конусом свинца – и либо проходит мимо, либо, попав, портит дичь, буквально раздирая на куски.

С таким патроном конфуза не случится. Круглая картечь летит как обычно, квадратная за счет своей формы сильнее отклоняется в стороны, а плоские «чечевички» – еще сильнее. Сноп свинца рассеивается равномерно – попасть легче, и испортить добычу нет риска.

Капитоныча новые патроны, в отличие от профессорского ножа, заинтересовали. Осмотрел дотошно и объяснения слушал внимательно. И признал вслух: полезная выдумка, не в пример многим прочим. Но подаренный патрон себе не оставил, стрелял Капитоныч лишь собственноручно снаряженными боеприпасами.

Все уверения профессора, что у человека погрешности в определении навески пороха и дроби всегда будут выше, чем у станка, управляемого электроникой, Капитоныч пропускал мимо ушей. Свои надежнее, и все тут. И поди поспорь с ним, когда настреливает каждый сезон больше всех...

Капитоныч тут же передарил патрон Славику. С самой паскудной улыбкой вручил.

И Славик понял: сейчас начнется...

17. Васино – Владимирская

И впрямь, началось. Повторялся в другом изводе издевательский монолог, что прозвучал в адрес Валентина Арнольдовича, только теперь адресатом стал Славик.

Для разминки Капитоныч невинным тоном предположил, что уж с таким-то патроном Славик сумеет наконец отличиться. Предположение немедленно было им же и опровергнуто: нет, не отличится, куда уж ему. Разве что прикупить зайца надувного, резинового, и, обрядивши в настоящую заячью шубку, положить под кустик... Тогда шансы появятся.

И пошло...

И поехало...

И понеслось...

На Арнольдыче быдломорж лишь разминался. Настоящее цунами остроумия накатило сейчас.

Славик чувствовал, что лицо его багровеет, но сжимал губы плотно, как устрица створки. Знал – стоит возразить хоть словом, и достанется куда больше.

Он опустил взгляд, уставившись на свои пальцы, сжимающие патрон с прозрачной гильзой. И терпеливо ждал, когда словесная экзекуция завершится.

18. Владимирская – Медок

Самое обидное, что наезды Капитоныча, хоть и невероятно хамские по форме, по сути были верны. Славик до сих пор, за два осенних сезона и один зимний, так и не взял ни одного зайца.

Он не мог понять, в чем дело. Вроде и стрелять случалось из верных положений, а результаты на стрельбище Славик показывал неплохие. А на охоте словно бы кто-то невидимый и бесплотный ствол ружья чуть-чуть в сторону отводил... Ба-бах! – и мимо. И каждый раз мимо. Что за напасть...

Его трофеи – несостоявшиеся его трофеи – добирали потом другие. И наверное, имели полное право на критику... Но лишь поганый морж использовал свое право на полную катушку и в самой издевательской форме.

Иногда Славик подозревал: причина неудач таится в его подсознании. Подсознательно он жалеет дичь. Сознание приучилось не обращать внимания на жалобные предсмертные крики зайцев, и на прочую их белость и пушистость, – и страстно желает трофеем добыть. У подсознания иное мнение – и оно мягенько, незаметно отводит руку чуть в сторону.

Капитоныч продолжал выдавать изыски юмора, зачастую переходя на сатиру, а порой и залезая в гротеск.

Славик решил, что надо придумать и провести некий аутотренинг... Чтобы перед выстрелом представлять на месте зайца вислоусую гниду. Неуместная жалость тут же улетучится из подсознания. Заряд полетит точно в цель.

19. Медок – Жальниково

Струя тягучего словесного дерьма не уступала высотой и напором Женевскому фонтану. И не иссякала уже третий перегон.

Славик хотел бы не слышать, мысленно отключить у Капитоныча звук, да не получалось... Тогда он уставился на сжатый в пальцах патрон и заставил себя думать только о нем.

О том, что такие патроны дают не только неоценимые преимущества при стрельбе на малой дистанции. Есть и побочный фактор: в разы растет риск зацепить кого-то из коллег картечиной-«чечевичкой», летящей по самой непредсказуемой траектории... На охоте всякое случается. С такими патронами «всякое» будет случаться чаще. В разы чаще. На порядки. Опасное новшество, непродуманное...

Хотя все это умозрительные рассуждения новичка, а «Бергель» – фирма солидная, и раз опытный Веймарн сказал: попробуйте, и опытный Капитоныч с ним согласился, – опробовать надо непременно. Сегодня же, не откладывая.

20. Жальниково – Щёглицы

И ведь однажды он был близок к успеху, он даже зацепил выстрелом зайца – не то под сознание вздремнуло, не то заряд разлетелся слишком широко.

Случилось все в середине прошлого зимнего сезона. Он неторопливо и старательно, как учили, выхаживал след, – а матерая зайчиха, напуганная его приближением, вскочила в другой стороне. Выломилась из кустиков, где таилась, взметнулась но невысокому косоугору и тут же исчезла из вида.

Славик выстрелил тот момент, когда заячий силуэт четко нарисовался на вершине пригорка. Дистанция была идеальная. Ни веток, ни сучьев, способных отклонить летящий свинец, на линии огня не оказалось. Он был уверен, что не промахнется. И жалобный заячий крик подтвердил: не промазал.

Он поспешил туда, уверенный, что первый его трофей лежит на обратном склоне пригорка. И тут же влетел в лощинку, совершенно незаметную, доверху заметенную снегом. Ухнул в снег по пояс, еще через шаг – по грудь. Лощинка показалась неширокой, Славик не стал вылезать, двинул вперед, напролом. Пробивал, протапывал путь – матерясь и поднимая ружье над головой. В общем, провозился очень долго.

Трофей на дальнем склоне не лежал. Там валялся лишь большой клочок шерсти, выдраный картечиной из заячьей шубки.

Впрочем, надежда еще оставалась, и немалая. На уходящем следе виднелись пятна крови, – небольшие, словно у кого-то из прохудившегося кошелька выпадали монеты, отчего-то красные.

Вторая картечина попала удачнее, и Славик бодро двинул по следу подранка, рассчитывая вскоре добить.

Увы и ах... Ранка оказалась несерьезной, царапиной. Разрывы между красными пятнышками становились все больше, а сами они все меньше и бледнее. Потом и вовсе исчезли.

Он продолжал упрямо идти по следу, на что-то еще надеясь. След привел на рельсы и пропал, снега там не было. Он двинулся вдоль путей, поглядывая по сторонам, ища сходящий с полотна след. Куда идти, направо или налево, Славик не знал, и пошел наугад, с вероятностью угадать пятьдесят на пятьдесят.

Он нашел выходящий след не скоро, но нашел и двинулся по нему. Но вскоре услышал за спиной голос Гоши:

– Эй, эй, паря! Ты своего зайца тропи! За этим я уж второй час иду!

Он ошибся, потерял след и взял чужой... А подраненную зайчиху добрал Капитоныч – та сдуру выскочила прямо на него. Славик опять остался с позорной «баранкой».

21. Щёглицы – Пятиозерье

Ладно бы он тогда просто упустил зайчиху... Но зачем-то прихватил с собой найденный клочок шерсти, показал остальным. Дескать, смотрите сами: очень близок был к успеху, совсем

чуть-чуть не повезло... Лучше бы не показывал. Потом каждый зимний выезд получал в конце охоты клочок шерсти от Капитоныча: держи, мол, добавь в коллекцию.

И сейчас, разумеется, моржеобразная скотина не преминула вспомнить тот злополучный трофей... Славик держался стоически: близилось Пятиозерье, и там его мучения завершатся.

22. Пятиозерье – Малый Наволок

Уф-ф-ф-ф-ф... Отмучился. В последний вагон поезда зашли контролеры, трое, и полицейский с дубинкой и с «горынычем» в кобуре, – им в подмогу. Здоровенный полицейский, плечистый, – в передних вагонах публика едет всякая, порой нетрезвая и агрессивная.

Контролеры всякий раз, без исключений, высаживались в Пятиозерье. Дальше начинались земли заброшенные, малонаселенные. Поселки вымирающие и уже окончательно вымершие. Станции, где по заведенному порядку поезда еще останавливаются, но редко-редко кто-то садится или выходит, и билетных касс там, разумеется, нет. Кассы после Павловского редкость, не окупается зарплата кассира.

В общем, в передних вагонах собрались пассажиры, которых надлежит дообилетить. Глагол «дообилетить» приводил Славика в состояние, близкое к экстазу, но именно так контролеры и выражались. И причастие имелось не хуже: «Эй, кто тут еще недообилеченный?» Восторг, душевный восторг.

Капитоныч при появлении контролеров тут же прекратил изbleвывать очередную гнусность. Отошел с ними на другой конец вагона, долго толковал о чем-то – с их старшим он был знаком накоротке, да и остальных знал.

В Малом Наволоке контролеры двинулись в поход вдоль электрички. Дообилечивать недообилеченных.

23. Малый Наволок – Четвертый Пост

Малый Наволок был мертвым местом. Неосвященная платформа без станционного здания, поодаль темные силуэты домов, довольно много, – но лишь два окошка светятся.

Электрички, тем не менее, останавливались. Живут здесь три с половиной старушки – вдруг одной из них приспичит куда-то прокатиться?

Три с половиной – не фигура речи. Капитоныч все окрестности их охотничьих угодий изучил дотошно, и как-то растолковал под настроение: три старушки нормальные, а одной ноги поездом отрезало, давно, лет пятнадцать тому, – вот и получается половинка. Сказав такое, Капитоныч поганно, как он умел, загыкал, трясся моржовыми усами.

Ладно хоть после ухода контролеров издевки не возобновились. Пришло время расчехлить, собрать и проверить оружие. Гораздо лучше заниматься этим в светлом и теплом вагоне, чем на месте, нет риска уронить невзначай в сугроб цевье или стволины.

Разумеется, правила транспортировки охотничьего оружия категорически воспрещают такие действия в вагонах электричек, да и в любом общественном транспорте.

Да кто ж тут следит за правилами? В местах диких и безлюдных? Никто.

А у них – традиция.

24. Четвертый Пост – Пустынька

Славик укрепил фару «Вепрь» под стволами вертикалки, вложил патроны, поставил оружие на предохранитель.

Патроны, оба, были те самые – прозрачные, с разнородной картечью. Капитоныч (выглядел он не столь трезвым, как полчаса назад), заметив такое дело, ничего не сказал, просто загыгыкал. Он гыгыкал, и тряслись его моржовые усы-клыки, и тряслось моржовое брюхо, и моржовые складки на шее тряслись тоже.

Славик подумал: интересно, а вот чукчи, или эскимосы, или кто там еще на моржей охотится, – куда их стреляют? Куда целятся, чтоб наповал, наверняка?

Оружие было полностью готово, и Славик посмотрел в окно, на станцию Пустынька. Названию своему станция соответствовала идеально. Ни одного светящегося окна, ни сейчас, ни в другие поездки.

Электрички все же останавливались, для кого и зачем, – непонятно. Механический голос объявлял остановку, двери открывались и спустя положенный срок закрывались. Славик поначалу часто поглядывал на платформу: вдруг кто-то все-таки зайдет или выйдет? Никто. Никогда.

Казалось, что по поселку прогулялась чума. Или какие-то упыри выползли из болот и прикончили всех жителей. И в мертвом поселке живут бесплотные призраки его давних обитателей...

Славик знал, что все куда прозаичней. Земледелием здесь никогда не занимались, деревень не было – почвы никудышные даже для Нечерноземья. В относительно недавние времена начали добывать торф в местах низменных, и рубить лес, где посуше, – возникли поселки лесорубов и торфоразработчиков. Жили там и те, кто обслуживал работников лесхозов и торфопредприятий: кто торговал в магазинчиках, преподавал в школах, лечил в здравпунктах и т. д. и т. п.

Потом торфяные пласты истощились. Да и лес вырубали без ума – вместо строевых еловых боров теперь лес мелкорослый, березо-осиновый, для рубки неинтересный.

Поселки начали умирать и умерли. Здоровенная территория стала пустошью, мертвыми землями. Дальше по этой ветке, километров через тридцать-сорок, вновь появляются деревни и обработанные поля.

А здесь – безлюдная зона. Для охоты лучше не придумаешь.

Цель из поездки – платформа-призрак 113-й километр – находилась в самом центре выморочной территории.

25. Пустынька – 113-километр (без остановки)

Поезд сбавлял ход. Они впятером уже стояли в тамбуре, наготове: рюкзаки за спинами, оружие в руках. Десантироваться надо быстро. Электричка здесь не будет стоять положенную минуту, едва раздвинет двери – тут же вновь сдвинет, и полный вперед, нагонять график движения.

Двери разъехались в стороны.

Все пятеро выпрыгнули – не на платформу, прямо на насыпь.

26. Охота

– Зайчиха, молодая, – уверенно сказал Веймарн, подсвечивая след. – Бери ее, Славик.

Все повторялось... Все было как в тот раз. Вновь на следе пятнышки крови, но теперь, в электрическом свете, казались они не красными, – черными. Зайчиха дуриком подвернулась под первый неприцельный выстрел – «взбудный», как называл его профессор Веймарн, нахватавшийся в своих книгах старинных охотничьих терминов.

Славик понял, что ему дают шанс. Верный шанс. Если облажется сейчас – лучше самому сказать, что уходит из команды охотников. Не дожидаться позорного изгнания.

Он двинулся по следу. Капитоныч напутствовал странным звуком, хмыкающе-хрюкающим, моржовый хрен был снова пьян, аж пошатывался.

27. Первый заяц

Наступило утро, но лишь по часам, восток даже не розовел.

Дважды Славик находил свежие лежки – подстреленная зайчиха пыталась залечь, но вновь поднималась, завидев приближавшийся свет фары. След описал большой круг и привел к платформе-призраку.

Здесь было натоптано, но след тянулся дальше, под платформу. Славик не стал спешить, внимательно осветил и осмотрел все вокруг. Выходного следа нет. Вновь легла, и встать уже не пытается. Пора ставить точку.

Он шагнул под платформу, та стояла на высоких столбах, не пришлось даже нагибаться. Посветил – и тут же увидел зайчиху, лежавшую в нескольких метрах.

Промahnуться было невозможно, тем более новыми патронами.

Но Славик медлил с выстрелом, разглядывая зайчиху. Все было как в тот раз, кровь со следа исчезла давненько, но теперь Славик видел кровавое пятно на белой шубке – даже, скорее, на полушубке, коротеньком, песцовом.

Приклад влип в плечо.

Зайчиха жалобно закричала.

Славик уже слышал этот голос и этот крик, – когда зайцы стояли кучкой, ошарашенные и ничего не понимающие: все шло как всегда в их заячьей жизни, они отступали по электричке от контролеров, и отступили в первый вагон, и готовились к стандартному своему заячьему трюку, – обежать и вагон, и контроль по платформе, и уже начали трюк исполнять, – а электричка вдруг до срока захлопнула двери и уехала.

Зайцы не понимали ничего, но первый, «взбудный» выстрел Капитоныча все им разъяснил... Тогда и прозвучал голос этой молоденькой зайчихи, не разминувшейся с картечиной.

Палец окаменел.

Палец застыл на спуске и ни в какую не желал сгибаться.

Тело явно сговорилося с подсознанием...

Славик понял, что охотником ему не стать. Выбор прост: или с позором уйти, или от позора застрелиться.

Ружье дернулось в руках, световое пятно чуть сместилось, и Славик с изумлением увидел другое: никакой зайчихи тут нет, он снова спутал след, и переплетение теней под платформой сыграло дурную шутку со зрением.

Там лежал Капитоныч, переборщивший не то с потайной фляжкой сегодня, не то со старыми дрожжами давеча, и белую маскировочную куртку Славик принял за короткий песцовый полушубок, а темное пятно на ней – блевотина, не кровь. Ну а жалобный крик – лишь плод взбудораженного воображения, наслушался он таких криков.

Ошибся, с кем не бывает. Случаются на охоте ошибки, особенно с новичками. Всякое на охоте...

Он потянул спуск, не закончив мысль и не имея шансов промахнуться. Но потом, для гарантии, выстрелил из второго ствола.

Эпилог

Капитоныч дозвонился до Императорского центрального военного госпиталя Страсто-терпицы Анастасии с трудом, лишь с третьей попытки. Господь ведает отчего, но связь с Ниен-

шанцем в тот день оказалась из рук вон плохая. Наконец дозвонился, но и тут не повезло, на звонок никто не ответил, вызов переключился на секретаря.

Лишь через полчаса, после долгих объяснений, кто звонит да зачем, и после долгого ожидания, на экране появился Веймарн.

Был он не в медицинском костюме, как того ждал Капитоныч, взявший отчего-то в голову, что профессор на операции. Веймарн оказался при полном параде, – в шитом золотом мундире медицинских дел надворного советника, при регалиях: «володя» на шее, а в петлице Гиппократ второй степени, на рукояти шпаги тоже болталось что-то наградное, но Капитоныч не разобрал, что, – шпага лишь мелькнула на миг и исчезла за краем экрана.

Веймарн начал было извиняться: дескать, прискакал из обкома оберпартайгеноссе со всей своей камарильей, так что, сам понимаешь... Капитоныч не дослушал, перебил, опасаясь, что со связью опять случится нехорошее. Сказал:

– Иваныч, так уж вышло, что не только Валю заменить нужно... Есть кто из кандидатов у тебя на подходе?

– Есть... – произнес Веймарн так медленно, что стало непонятно, как можно тянуть столь долго слово с единственным гласным звуком.

– Ты пригласи его к себе, да меня извести. Заеду, посижу, погляжу...

– Кто?.. – спросил Веймарн так же неимоверно тягуче.

– Да молодой наш, Славик... Сегодня его нашли.

Капитоныч изобразил рукой, как словно бы набрасывает веревку на шею, и затягивает узел за ухом, затем прикрыл на мгновение глаза и вывалил наружу язык. И пластика, и мимика были у него на редкость выразительные.

Веймарн молчал. Губы его кривились, словно профессор хотел сказать что-то матерное, или харкнуть в объектив камеры, но сдерживался.

– Жаль, но сам ведь знаешь: после первого зайца случается... – сказал Капитоныч равнодушно. – Насчет похорон и поминок я сообщу, как станет известно, но ты приглашай молодого, не мешкай, сезон в разгаре... И «сантаклеровки» бутылек приготовь, у меня как раз вяленая зайчатинка доспела... Пускай молодой причастится.

2. Смерть

Террор означает ужас

задача – прощание, нисхождение в подземное царство, отход, завершение, развязка;
цель – освобождение, преодоление эго, слом барьеров, глубинная трансформация;
риск – обмереть от страха, оступиться и упасть в пропасть.

Вольденская пустошь # Татьяна Романова

1

Мистер Уиллиг оказался ровно таким, как Эван его представлял: рослым стариканом с колючим взглядом из-под кустистых бровей. А вот железнодорожной станции удалось превзойти худшие ожидания. Собственно, это и станцией назвать было нельзя – скользкая, перепачканная сажей дощатая платформа, от которой тянулась в поля расхлябанная колея дороги.

– Господин доктор, надо полагать? – Уиллиг протянул Эвану руку в грязноватой перчатке. – Честно сказать, не очень-то вы тут нужны. Но раз уж приехали, добро пожаловать.

Он развернулся и, чуть прихрамывая, направился к старой двуколке, запряжённой парой гнедых. Эван уныло побрёл за ним, поскальзываясь на заледенелых досках и щурясь от яркого мартовского солнца.

– ...Тут, значит, в чём дело, – Уиллиг тронул поводья, и лошади уныло потрусили по мёрзлой дороге. – В прошлом году наша управа, не пойми с чего, расстаралась и отгрохала больницу на сорок мест – вот ту самую, в которую вам назначение дали. Больница-то хорошая, спору нет. Только вот, коллега, с практикой тут совсем беда.

Ну, может, прежнего Эвана это бы и огорчило, а Эван нынешний только плечами пожал. Всё равно жизнь кончена.

– Из Вольдена сюда добираться неудобно, у шахтёров в посёлке своя клиника, а деревенских к нам с вами на аркане не затащишь, – продолжал Уиллиг. – Терпят до последнего, лечатся травками да заговорами, а к нам добираются, только когда... – он размашисто перекрестился. – Да вот хотя бы девчужка эта со швейной фабрики, Карен Гилкрест. Пришла позавчера – мол, всё отлично, жалоб нет, только родинка на спине беспокоит. Угадаете, что там была за родинка?

– Меланома?

– И здоровущая, дрянь, – Уиллиг вздохнул. – Такую режь, не режь – всё уже, ничего не поделаешь. А дурёха эта спрашивает, можно ли, мол, такую мазь выписать, чтоб всё поскорее зажило, а то у неё свадьба. Я ей говорю – деточка, да тебе месяц остался! А она смотрит и улыбается. Не понимает. И вот что мне с ней делать? Хорошо хоть, мистер Бойд помог, забрал её в городской хоспис.

– Что за мистер Бойд? – рассеянно спросил Эван.

– Так вы же, вроде, сами из Вольдена. Неужели о Бойде не слышали? – удивился Уиллиг. – Хороший человек, благотворительностью занимается. Газету выпускает, у него своя типография в городе. На должность мэра уже чёрт знает сколько раз свою кандидатуру выставлял, но всё без толку.

– Почему?

– Бойд парней из Альянса сильно не любит. В газетке своей постоянно по ним прохаживается. А у нас – да вы сами, небось, знаете – каждый второй за автономию. Террористы – выродки, конечно, но так-то, если посмотреть – присосалась к нам Империя, как слепень. Люди в шахтах по шестнадцать часов работают, света белого не видят, а денёжки все на континент утекают...

Эван скривился, как от зубной боли. Сепаратисты – и всё, что с ними связано, – были последней темой на свете, на которую он хотел бы беседовать.

Главное, ещё месяц назад всё было хорошо! Оттремели выпускные экзамены. Ректор медицинского колледжа подписал Эвану назначение в новую больницу в пригороде («Отличное начало карьеры», – говорил он. – «Обширная практика. И жильё предоставляется»). В ящике секретера лежало обручальное кольцо для лучшей девушки на свете. Будущее казалось простым и безоблачным – пока Ида не призналась, что полюбила другого.

– Понимаешь, Эван, Льялл способен на *поступок*, – сбивчиво объясняла она. – У него есть *цель*. А ты – хороший, славный, но...

Да нечего тут было понимать. Льялл (чёрт знает, как там его на самом деле зовут) выпускает подпольную газету «Солнце Свободы», разъезжает по всей стране по таинственным делам Альянса, носит красный шейный платок, – орёл, в общем. Куда до него врачихе из провинциального городка. Ну, шейный платок, положим, можно было бы купить – так не в нём же дело!

Нечуткий Уиллиг продолжал вещать о тонкостях местной политики. По обеим сторонам разбитой дороги тянулась унылая пустошь – глазу не за что зацепиться. Больница стояла на отшибе. Красивая, новая – и бесполезная.

– Тут мы и обитаем, – Уиллиг указал на пристройку, притулившуюся к глухой стене больницы. – Моя Мод вам комнатку приготовит, в тесноте да не в обиде. Конечно, можно и в городе жильё снять, но замаетесь добираться. А тут десять метров прошёл – и ты на работе.

– А в том доме кто живёт? – Эван указал направо. Там, в стороне от дороги, темнела крыша двухэтажной усадьбы.

– Никто. Как умер последний из Рейнольдсов, так дом и стоит пустой.

– Ну так, может, я туда вселюсь? – робко предложил Эван. – Чтобы вас не стеснять?

– Нет, – сквозь зубы процедил Уиллиг. – Плохое место.

И ни на какие вопросы больше не отвечал.

2

За ужином говорили в основном о новой железной дороге от Вольдена до столицы. Точнее, говорила Мод, жена Уиллига – молодая, рыжеволосая и невероятно жизнерадостная. Восхищалась железнодорожным мостом через реку Блай – такой, мол, красивый, тонкий, как паутинка, – жалела, что охранники никого не подпускают посмотреть на него поближе. Раз десять повторила, что в воскресенье она уж точно пойдёт на новый вокзал посмотреть на отправление первого поезда. Эван рассеянно поддакивал, не забывая подливать в стакан дрянненький бренди.

Ночью Эван долго пытался уснуть, ворочаясь на продавленном диване. В комнате было душно. С пыльных портретов хмуро тарасились предки четы Уиллигов, где-то в неприютной темени на просторах пустоши тоскливо выла собака.

Мод и Уиллиг шептались о чём-то за тонкой стенкой. Потом заскрипели пружинами кровати. Клопы им, что ли, покоя не дают, – раздражённо подумал было Эван – и покраснел. Господи, стыдно-то как!

Он кашлянул, давая понять, что не спит. Кашлянул громче. Какое там.

Эван торопливо сунул ноги в разношенные штиблеты, сорвал с гвоздя пальто. Остаться здесь, через стенку от чужой радости, было просто невыносимо.

Снаружи было холодно. И хорошо. На небе сверкали звёзды, каких не увидишь в городе – яркие и неправдоподобно крупные. Хрустела под ногами присыпанная инеем трава, сухие стебли вереска цеплялись за одежду.

Нет, если уж хоронить себя в этой глуши, то надо быть последовательным. Не портить людям настроение своей унылой рожей, а вселиться в мёртвый брошенный дом.

За невысокой оградой виднелся запущенный, разросшийся сад. Эван толкнул калитку, и та с жалобным визгом подалась вперёд. Ветер пробежал по траве, заскрипели ветви осин. А

ведь жутко! Как в детстве, когда бабушка рассказывала истории о красных колпаках, злобных гномах паури, которые караулят запоздалых путников в развалинах замков на пустошах.

Тропинка вывела Эвана ко входу в особняк – и он невольно замер, глядя в тёмный проём распахнутой настежь двери. Нет, что-то и впрямь было не так с этим домом. Хотя стёкла в окнах были целыми, и кирпичные стены, казалось, простоят ещё не одно столетие.

Что-то тёмное мелькнуло в густой траве. Эван резко обернулся – но, конечно, никого не увидел. Рассердился на себя: надо же было так упиться! Красные колпаки ему мерещатся, видите ли. Древнее зло пустошей.

Нет, настоящее зло – оно другое. Оно в извиняющемся шёпоте Иды, в невежестве и трусости...

В чём ещё – додумать не удалось. Что-то обожгло висок. И стало темно.

* * *

Эван открыл глаза. Попробовал вдохнуть – и не смог.

– Тихо! – просвистел чей-то голос прямо над ухом.

Естественно, Эван пренебрёг этим разумным советом и заорал. Точнее, попытался – из горла вырвался только хрип.

Очень кстати выползла из-за туч луна и осветила ситуацию во всей её неприглядности. Он лежал на траве, жёсткой и холодной. А на его груди сидела какая-то косматая тварь размером с лисицу и таранилась на Эвана равнодушными жёлтыми глазищами.

– Кто ты? – всхлипнул Эван.

Тварь широко улыбнулась и выхватила из-за пояса нож. Лезвие коснулось шеи. И Эван с ужасающей ясностью понял: это всё. Больше ничего не будет. И успел выкрикнуть – отчаянно и безнадежно:

– За что?

Тварь замерла.

– Ты пришёл в мой дом, – проговорила она хриплым, но вполне человеческим голосом. – Я убиваю людей. Этого мало, что ли?

– Да! – прохрипел Эван, чувствуя, как щековая струйка крови побежала по шее. – Отпусти меня! Я никому не скажу!

– О чём? – удивлённо спросила тварь, усаживаясь поудобнее. – Что тебя, шестифутового идиота, вырубил девчонка ростом тебе по колено? Хвастать тут нечем, согласна.

– Тебе же всё равно, кого убивать? Ведь правда?

– Пожалуй, – жёлтые глазищи впились в его лицо.

– Не надо меня, пожалуйста. Я могу...

– Ну?

Привести другого, – чуть не сорвалось с губ. Нет, а что? Она же сама сказала – ей наплевать...

– А, к чёрту, – выдохнул Эван и крепко зажмурился. – Убивай. Хуже не будет.

– Экзистенциальный кризис? Ах, как некстати, – усмехнулась тварь – но нож от шеи убрала. – Мне ведь, милое дитя, действительно всё равно. Раз уж ты у нас не такой, как все эти жалкие людишки, и твоя жизнь уникальна и бесценна – замани сюда кого-нибудь, кто действительно заслуживает смерти. Согласен? Ну и славно. Приходи с утра. Поговорим.

Паури прыгнула в траву. Эван дотронулся до шеи, посмотрел на пальцы, окрашенные тёмным, всхлипнул – и лишился чувств.

3

Очнулся он уже утром. Как ни странно – в своей постели, хотя и полностью одетый. Путь домой память милосердно не сохранила, да и воспоминания о ночной прогулке были, мягко говоря, расплывчатыми. Очевидным было одно: вчерашний бренди впрок не пошёл.

Впрочем, стоило бросить взгляд на часы, и мысли о паури вылетели из головы мгновенно. Хорош врач – в первый же день опоздать на приём!

Слава богу, в коридоре больницы никого не было – только девчушка лет семи сидела на лавочке, болтая ногами. Небось, ждёт кого-то из родителей.

– Доброе утро, мисс! – окликнул её Эван, на ходу пытаюсь нашарить в кармане пальто ключ от кабинета.

– Вы доктор?

– Да, – рассеянно кивнул он, остановившись перед дверью.

– Помогите мне.

Эван резко обернулся.

Девочка, склонив голову, стояла прямо за ним – и когда она успела подойти? С тёмных волос на плечи стекала вода, платице, мокрое до нитки, было перепачкано речным песком. Господи, март на дворе!

Эван толкнул ногой дверь в кабинет – оказалось, она не заперта – растерянно заметался по комнате в поисках одеяла. Девочка, не поднимая глаз, присела на кушетку.

– Что случилось? Ты упала в реку, да? А где твои родители?

– В поезде, – всхлипнула девчушка. – Было воскресенье, мы ехали по мосту, так красиво было. А потом все закричали, и я ударилась о дверь, и не помню...

– Покажи, где ударилась.

Девочка, поколебавшись, отвела спутанные волосы от лица. Эван медленно попятился, не отводя глаз от открытого перелома височной кости. Да как так-то? С такой раной она должна была уже...

– Помогите, – повторила она. – Пожалуйста. Воскресенье. Поезд на Бриттбург.

И исчезла.

Эван выскочил в коридор – и чуть не столкнулся с мужчиной в испачканном илом праздничном костюме. На белом рукаве распласталась водоросль.

– Они говорили, мост выдержит, – глухо пожаловался он. – Это был ад, доктор. Суший ад. Сначала – тот взрыв, а потом...

Что «потом», Эван уже не дослушал: есть же предел человеческим силам.

– ...должны помочь нам! – неслось вдогонку.

* * *

– Что ты со мной сделала, тварь? – заорал он. – Что это за кошмар? Откуда эти мертвяки и что мне с ними делать?

Со старой осины сорвалась испуганная стайка воробьёв. Дом молча таранился на Эвана пустыми глазницами окон.

– Так, судя по всему, ты их тоже увидел, – раздался знакомый хриплый голос. Паури, выбравшись из вересковых зарослей, ловко взобралась на истоптанные ступеньки крыльца и уселась там, забросив ногу на ногу. – Они тут уже вторую неделю бродят. Всё ноют про свой рухнувший мост. Но, насколько я знаю, тут и мостов-то таких нет, по которым ходят поезда?

– Есть один. Через реку Блай. Но он ещё закрыт, поезда пустят только в воскресенье.

– А, то есть это ещё не случилось? – удивилась паури. – Интересненько.

– Интересненько? – возмутился Эван.

– Конечно! Сам, небось, знаешь, что обычно призраки – это души тех, кто уже на том свете. А к тебе – ну и ко мне заодно – приходят призраки из будущего. Это ведь...

– Почему я их вижу?!

– Мой подарок, – усмехнулась паури, проводя длинным острым ногтём по шее. – Ты казался таким одиноким и разочарованным. Зато теперь тебе по крайней мере не скучно. Но ты не бойся, царапина затянется, и всё пройдёт. Что? Как ты им поможешь? Ох, не ной. Мы знаем, где произойдёт крушение. Знаем, когда. Что ж тебе ещё надо-то? Сделай так, чтобы этого не случилось – и ты поможешь потенциальным мертвякам не стать мертвяками де-факто. Их, думаю, это устроит.

Паури выжидающе уставилась на него.

При свете дня она не казалась такой уж зловещей. Ростом с ребёнка, но телосложение как у взрослой женщины. То, что ночью представилось Эвану непропорционально большой головой, на самом деле оказалось выцветшим красным колпаком. Кожа паури была неестественно бледной, почти серой, но черты лица, опять же, почти человеческими. Почти.

– Познакомимся, что ли? – предложила она. – Я Эми.

– Ладно... Эми. Что мне делать? Если я приду в мэрию и скажу, что мертвецы из будущего сообщили мне о крушении...

– Ну ты же не настолько туп? – жалобно спросила паури. – Ты вот что пойми. Раз эти мертвяки говорят о взрыве – значит, мост рухнул не просто из-за изъяна в конструкции. А раз есть кто-то, кто собирается взорвать опору моста или, не знаю, протащить взрывчатку в поезд – значит, его можно и нужно остановить. Но я, как видишь, немного могу предпринять.

– Я вот чего не пойму. А тебе всё это зачем?

– Мне скучно, – призналась она. – Должно же быть у человека хоть какое-то увлечение? И мне пора убивать. А человек, который способен забрать несколько сотен жизней, ой как заслуживает знакомства со моим ножом. Куда больше, чем ты.

4

– Итак, поезд отправился вовремя, ровно в полдень, – отчитывался Эван. Паури внимательно слушала, не сводя с него жёлтые глазищи. – Там ещё несколько человек подошло – я их всех расспросил, записал в этот вот блокнот, у кого какие повреждения. Посмотришь?

– Ты мне лучше нормальных книг потом из города принеси. Что тебе рассказали о взрыве?

– Да можно сказать, ничего. Говорят, посадка прошла спокойно, на Блайский мост въехали через полчаса после отправления – тогда-то и рвануло. Судя по всему, в начале состава. Все пострадавшие – из вагонов второго и третьего класса, так что первый класс, видимо, вне подозрений.

– Видимо, ты балбес, – Эми обхватила руками колени. – Тех, кто ехал первым классом, размазало так, что костей не соберёшь, раз уж они к тебе не заявили. Кстати, и багаж у богатеев обычно не досматривают – легче было бы протащить взрывчатку. Сколько мест в таком вагоне?

– Понятия не имею, – растерялся Эван. – Мне, знаешь ли, не доводилось...

– Горе-то какое. Ну так походи и узнай. Раздобудь список тех, кто купил билеты в этот чёртов вагон первого класса – скорее всего, наш друг из их числа. Поговори с ними, посмотри, что за люди.

– Да они меня и на порог не пустят!

– Выбор есть, – нехорошо ощерилась Эми.

* * *

Новенькое здание вокзала расположилось на вершине пологого холма. От стен ещё пахло краской и строительным раствором, начищенные стёкла блестели на послеполуденном солнце.

Эван остановился у главного входа. С огорчением посмотрел на забрызганные грязью туфли, поправил воротничок – и потянул ещё липкую от лака дверную ручку на себя.

Зал ожидания пока был закрыт – строители торопливо разбирали леса у дальней стенки. А вот кассы уже работали. К ним-то Эван и направился.

– Добрый день, сэр, – вежливо улыбнулась ему пожилая дама, закрывая книгу с изображением влюблённой пары на обложке. – Чем могу помочь?

– Видите ли, мне очень надо попасть в воскресный поезд.

– Но билеты давно распроданы, сэр!

– Знаю! – горестно воскликнул Эван, мельком бросив взгляд на обложку романа. – Понимаете, у меня есть невеста. Я люблю её больше жизни. И она, представьте себе, уезжает этим поездом в столицу – может быть, навсегда! Но не по своей воле, это всё её старший брат...

Сказал – и сам ужаснулся: ну кто поверит в такую ахинею? Однако дама заинтересованно подалась вперёд.

– Несколько лет назад он уехал на континент, и от него не было вестей, – на ходу сочинял Эван. – Мы уже назначили дату свадьбы, разослали приглашения. И тут он возвращается и, конечно, приходит в бешенство из-за того, что всё решили без его ведома. Он запретил нам общаться, настроил её против меня – не знаю, как ему это удалось!

– Он мог вас оклеветать, – сочувственно сказала дама. – От человека с континента всего можно ожидать.

– Думаете?.. Ох, если бы мне только удалось с ней поговорить, всё разъяснилось бы, я уверен! Но не стану же я пробираться к ней в дом, как вор, в самом деле? Есть лишь один шанс.

– Сожалею, сэр, но...

– Я точно знаю – она поедет этим поездом, в вагоне первого класса. Только представьте себе, у меня будет пять часов, чтобы с ней поговорить! Я уверен, мне бы удалось...

– ...но билетов действительно нет!

– Конечно! Но если бы я знал, кто поедет в том вагоне – может, я бы выкупил билет у одного из этих людей? Я бы никаких денег не пожалел! Просто для кого-то эта поездка – так, баловство. А для меня – последний шанс. Они поймут, должны понять!

– Мне очень жаль, сэр. Ничем не могу вам помочь.

Окошко захлопнулось.

* * *

Эван стоял, как громом поражённый. Вот и всё. Хорошо хоть, Эми не видела этого позорного спектакля – уж она поглумилась бы всласть...

Он вышел на перрон. По ту сторону новеньких рельс виднелось старое деревянное строение с выцветшей надписью над дверью – бывший склад. Жестяная крыша поблёскивала в лучах заходящего солнца.

Кто-то тронул Эвана за рукав. Девочка-уборщица протягивала ему исписанный косым, торопливым почерком лист.

– Мисс Нелли велела передать, – улыбнулась она. – Вы правда очень её любите, невесту свою?

– Очень! – с чувством произнёс Эван, впиваясь взглядом в список.

Семнадцать строчек. Фамилии и имена. И цифры напротив них – наверное, номера купе.

Номер три. Некая Эллен Бойд – видимо, сестра или жена того самого Вольденского филантропа. Наверняка Уиллиг знает, где она живёт. Нет, вряд ли её можно заподозрить, но с кого-то же надо начать!

Номер пять – Эндрю Смит-младший. Ищи, что называется, ветра в поле. Сколько Эндрю Смитов, пусть даже и младших, может обитать в городе с двадцатью тысячами населения?

Номер десять...

Эван нахмурился. Приблизил лист к глазам, перечитал строчку ещё раз. Это было похоже на чью-то чертовски дурную шутку.

Под десятым номером в списке значилась некая Ида Монтгомери. Под одиннадцатым – Льялл Кори.

5

Ида, как всегда, вышла из здания института последней, когда её сокурсницы уже успели разбежаться по узким улочкам Вольдена. Привычным изящным движением поправила выбившуюся из причёски прядь, надела перчатки – и торопливо зашагала к остановке конного трамвая. Одна. Ну и славно.

Эван шагнул ей навстречу из тёмного переулка.

– Что вы с Льяллом затеяли? – прошипел он.

– Ты о чём? – удивление в её голосе казалось таким искренним. Господи, и когда она научилась врать?

– Ида, – выдохнул он, переводя дух. – Ты знаешь, мне плевать на политику. Но тебе не кажется, что отправить на тот свет двести душ во имя святой, мать её, свободы – это слишком?

– Да о чём ты? – чуть не плача, спросила она.

– Вы купили билеты в вагон первого класса. Умно, что уж там. Кто в чём заподозрит богатую влюблённую пару?

– Так, постой-ка, – нахмурилась она. – Ты про воскресный поезд на Бриттсбург? Ну да, Льялл раздобыл для нас билеты. Но что ты плетёшь? Какие двести душ?

– Поезд до столицы не доедет! Кто-то пронесёт в него взрывчатку и устроит крушение на мосту!

Ида осторожно кивнула. *Да она же думает, что я рехнулся*, понял вдруг Эван.

– Я точно знаю, что так и будет! – насколько же глупо это прозвучало! – Хорошо, раз ты ничего не знаешь... Но Льялл... Ты в нём уверена?

– Вполне, – сухо ответила она. – Эван, мы просто едем в столицу. Мы любим друг друга и хотим погулять по красивому городу. Без взрывчатки. Люди так делают иногда.

– Не надо, – он понял, что всё летит к чертям. – Только не этим поездом... Послушай, ради всего святого – спрячься где-нибудь до понедельника!

– Урод, – прошипела Ида сквозь зубы. Оттолкнула его и поспешила прочь.

* * *

– То есть ты зря потратил вчерашний день, – подытожила Эми.

– Ничего себе – зря! – возмутился Эван. – Я, можно сказать, нашёл этого гада!

– Уверен? В твоём списке семнадцать человек. Нет, я понимаю, что только один из них увёл у тебя девушку...

– Да при чём тут это! Льялл – сепаратист! И вообще, откуда у него деньги на эту поездку?

– Да, это интересно, – кивнула паури. – Украсть билеты он не мог, они же именные. А с деньгами у подобной публики обычно плоховато. Чем он вообще занимается, этот твой Льялл?

– Газету выпускает. «Солнце свободы».

– Тогда вообще не понимаю. – Эми нахмурилась. – Содержать типографию – удовольствие недешёвое. А если он ещё и распространяет свою газетёнку бесплатно, так вообще, одни расходы... Знаешь, что? Раздобудь её. И как можно больше легальных местных газет. Посмотрим на бумагу, шрифты. Если у него есть дружки в какой-то Вольденской типографии, то, по крайней мере, понятно будет, где его искать.

– Эми, у меня, вообще-то, работа есть! – простонал Эван. – Это несправедливо!

– Что несправедливо? – отчего-то разозлилась паури. – Что ты вместо того, чтобы пускать слюни в стакан с бренди, занимаешься чем-то полезным? Что можешь ходить по земле, разговаривать с людьми? А хочешь, я тебе одну историю расскажу – про несправедливость? Как-то раз двое молодых придурков из Вольдена решили, что им страсть как нужны деньги на их великие дела. И похитили с целью выкупа дочку богатенького фабриканта. Нет, зла они не хотели. Сунуть под нос тряпку, пропитанную хлороформом – это да. Отвезти в глушь и приковать к трубе отопления в старом доме – это да. А убивать – кишка у них была тонка. Они даже позаботились обо мне, лапушки мои. Оставили мне еду, воду и два дамских романа, чтоб не скучала. Сторожить меня не стали – ну а куда я денусь? Руку, что ли, отгрызу?

Их не было пять дней. А на второй день, как я понимаю, у меня начался аппендицит. Пустячная болячка, а, господин врач? – усмехнулась она. – Но не когда ты один в чёртовом заброшенном доме.

– И ты пять дней...

– Четыре. На пятый они вернулись и нашли мой холодный труп – ох как они перепугались. Дрянное было зрелище, что уж там. Ну а дальше – что ты думаешь? Их обуяло раскаяние, они вернули деньги и повинились перед моими родителями? Да чёрта с два. Уехали на континент и – я уверена – живут себе припеваючи. А славная девочка из хорошей семьи превратилась в тварь из старых сказок, в одинокий дух пустошей. А теперь – давай. Расскажи мне, как жестоко с тобой обошлась жизнь, избавив от женитьбы на дуре.

6

Какого мнения были Мод и Уиллиг о его психическом здоровье, Эвану уже и знать не хотелось. Что можно подумать о человеке, который в день приезда напивается до звёзд в глазах, на следующий день, побеседовав с воображаемыми друзьями в пустом кабинете, требует нарядный костюм, а теперь вот роется в ворохе кулинарных рецептов и занимательных статей, вырезанных Мод из старых газет? «Солнца свободы» у Уиллига, конечно, не оказалось. Пришлось снова тащиться в Вольден и обойти несколько студенческих пивнушек, пока не нашёлся добрый человек из Альянса – и того пришлось напоить в стельку, чтобы заполучить несколько потрёпанных экземпляров Льяллова детища.

Но оно того стоило.

* * *

Около десяти часов вечера Эван проклял всё на свете. Уже третий час он сидел в дощатой подсобке во дворе типографии мистера Бойда. Найти прореху в заборе, от которой к одному из дальних корпусов вела вытоптанная тропинка, оказалось несложно – а вот ждать гостей, вдыхая едкую вонь хозяйственного мыла и застоявшейся в мусорном ведре воды, было просто невыносимо.

Территория почти не охранялась. Старый сонный сторож лишь несколько раз высовывался из караулки, чтобы покурить. Неудивительно, что Льялл с дружками облюбовали именно эту типографию.

Наконец, когда Эван почти отчаялся, на тропинке показались трое молодчиков. Льялл тащил увесистый ящик, его друзья шли налегке, спокойно и уверенно. Один из них помахал рукой сторожу – тот и ухом не повёл.

Так, всё ясно. Этот упырь с ними заодно!

На самом деле, всё складывалось паршиво. Выходило, что если придётся драться, то сразу с четырьмя противниками. Вот и что делать? Бежать за констеблем?

В окнах цеха загорелся свет. Эван принял решение. Осторожно, стараясь не шуметь, он выбрался из подсобки (хотя жестяное ведро всё равно предательски звякнуло) и пошёл по тропинке. Ботинки вязли в сырой земле. Ещё одна такая прогулка – и обувь можно будет нести на свалку.

– Куда это ты собрался? – грозно рявкнул сторож, возникший словно из ниоткуда.

Эван обернулся на голос. Надо было, наверное, дать стрекача, но по такой грязи далеко не убежишь.

– Я по поручению полиции! – брякнул он первое, что в голову пришло. – У меня бумага есть. Вот, смотрите!

Он достал из кармана уже порядком потрёпанное рекомендательное письмо, предназначавшееся Уиллигу. Расчёт был на то, что в темноте ни черта не видно, кроме жирной печати с гербом Вольдена. Да и почерк у декана был истинно медицинским – и при свете дня не разберёшь.

Сторож поднёс лист к лицу. Зачем-то перевернул вверх ногами. Да он читать не умеет! – сообразил Эван.

– Агент, значит? Ну извините, – буркнул сторож, протягивая документ обратно.

– Вы хоть знаете, что это за люди? – яростно спросил Эван, указывая в сторону цеха. – Хотя, конечно, знаете.

– Нет, господин. Честно, не знаю. Парни какие-то. Моё какое дело? Мне сказали их пропускать, вот я и пропускаю.

– Кто сказал? – насторожился Эван.

– Да сам мистер Бойд и сказал! Мол, по пятницам будут ребята приходить – ты им не мешай. Мне что? Они там возьатся, как мыши, к утру уходят.

Вот ведь сволочь! Врёт и не краснеет.

– Эти *ребята* – опасные революционеры, – сквозь зубы процедил Эван. – А за пособничество знаешь что светит?

– Не надо! – испуганно заморгал сторож. – Моё дело – сторона. Вы это самолично мистеру Бойду скажите, он и разберётся... Вот, хотите, я вам его адрес дам? А то он у нас редко бывает.

Сторож потянулся к нагрудному карману куртки. Эван отвернулся – на миг, только на миг! – и тут ночную тишину разорвал оглушительный свист.

Свет в окне цеха сразу же погас.

Сторож подмигнул Эвану – и с неожиданной прытью пустился бежать. Эван бросился за ним...

* * *

– ...Я бы его догнал, правда. Только подошва отвалилась, – буркнул Эван, заканчивая рассказ о ночных злоключениях.

– Ну да, ну да, – Эми вздохнула. – Нет бы за Льяллом проследить! Теперь, конечно, ищи ветра в поле.

– Почему? Он ведь придёт на вокзал. А в поезд не сядет. Мы ему помешаем, – голос предательски дрогнул. – То есть ты.

– Ты всё-таки уверен, что это он? Просто я не пойму, какая ему в этом выгода? Меня смущает, если угодно, не этический, а рациональный аспект. Что, после этакой кровавой бани сепаратистов станут больше любить? Да чёрта с два.

– Зато их будут бояться.

– Это да, – вздохнула паури. – Но всё равно – не понимаю... Ладно, пойді пока поработай.

7

Мертвяки понуро толпились во дворе больницы, провожая Эвана ждущими взглядами. Эван открыл дверь – и замер, изумлённый. Коридор был заполнен людьми – настоящими, живыми людьми! Бедно одетые женщины с печатью усталости на лицах о чём-то оживлённо переговаривались.

– Где. Тебя. Носило? – с чувством спросил Уиллиг. – Сам видишь, что здесь творится! Я тут с восьми утра сижу.

– Вы же говорили, тут никого не бывает!

– А это диспансеризация, – Уиллиг вздохнул. – Мистер Бойд всех работниц швейной фабрики привёл сюда на осмотр – уж не знаю, как он хозяина уболтал их отпустить. Пообещал оплатить лечение всем, кому потребуется. Так что вперёд, коллега.

Дело, конечно, хорошее, рассеянно подумал Эван. Но, чёрт, как же не вовремя! Надо успеть вернуться в Вольден, отыскать сторожа – он ведь наверняка знает, где прячется эта сволочь Льялл. Ведь осталось, страшно подумать, чуть больше суток...

Вот только сейчас важней было другое.

* * *

В половине девятого Эван, отпустив последнюю пациентку, запер дверь в кабинет. Только на пороге больницы заметил, что забыл снять белый халат. Улыбнулся.

Может быть, этот день оправдывал всё его предыдущее никчёмное существование. Эти двенадцать жизней, которые, конечно, когда-нибудь оборвутся – но в свой черёд, а не в срок, указанный болезнью.

Пять случаев туберкулёза – из них два довольно запущенных, но не безнадёжных. Семь опухолей на ранних стадиях. И без счёта не столь серьёзных, но отравляющих жизнь болезней. Мод еле успевала заполнять бланки рецептов. Присланный мистером Бойдом подручный подписывал чеки на оплату лечения с видимой неохотой – но подписывал же!

Всё-таки дар Эми не слишком-то отличается от врачебного ремесла, подумалось ему. По сути, разве врач не беседует с призраками будущего, пытаясь превратить данность в несбывшийся вариант жизни?

* * *

Мод, закутавшись в шерстяной кардиган, курила на крыльце дома.

– А к тебе гость, – огорошила она Эвана. – Парнишка какой-то, по виду – студент.

Эван осторожно заглянул в комнату и оторопело замер на пороге. Льялл бросился ему навстречу:

– Ида у тебя? Где она? Скажи, умоляю!

– Ты рехнулся? – только и спросил Эван.

Льялл обвёл мутным взглядом комнатушку, в которой могла спрятаться разве что Эми. Рухнул на стул, закрыл лицо руками.

– Она пропала. Что ты ей наговорил? – в отчаянии прошептал он, уставившись на Эвана покрасневшими глазами. – Поезд, взрывчатка... Она сегодня утром ушла на курсы – и до сих пор не вернулась. Где мне её искать?

Ох, не так представлял себе Эван эту встречу. В мечтах Льялл валялся у его ног, размазывая по лицу кровавую юшку, и униженно молил о пощаде. И всё это на глазах у Иды, ясное дело. Но сейчас светоч Альянса выглядел настолько жалко, что бить его просто рука бы не поднялась. Несмотря на.

– А может, она и не хочет, чтобы ты её находил?

– Да... Всё может быть... Но она же не могла вот так взять и уйти, даже не оставив записки! – вскинулся Льялл. – Главное, из-за чего? Господи, да я же при ней порвал билет на тот чёртов поезд, чтобы её убедить!

Ну что же за ничтожное существо. Ноет, как девчонка. Тут Эвану вспомнился один молодой человек, три дня назад оплакивавший загубленную жизнь – и глумиться отчего-то расхотелось.

– А откуда ты вообще взял эти билеты?

– Мне подарили, – съёжился Льялл.

– Кто?

– Не знаю! Ну что ты так смотришь? Мы с ним никогда не виделись, в интересах конспирации. Он нас в своё время просто спас! – Льялл шмыгнул носом. – В ноябре нашу старую печатню прикрыли, ребят арестовали. И тут я – представляешь? – нахожу в почтовом ящике записку – мол, приходите ночью в типографию Бойда, там сторож – свой человек. Мы сунулись туда – и правда, никто не помешал.

– А другие записки были?

– Редко. Он иногда подсказывал, о чём написать в новом номере. А в начале марта прислал те два билета. И листок из блокнота – дескать, в поезде случится что-то такое, что я, как журналист, обязан видеть.

– И тебя не смутило, что второй билет был на имя Иды?

– Так многие знали...ну, о нас с ней, – Льялл покраснел. – Мы же ещё с осени встречаемся.

С осени?!

Мир рухнул – в который уже раз за эти дни.

– Так что мне делать-то? – жалобно спросил Льялл.

– Иди домой, – процедил сквозь зубы Эван. – Жди её там. И не смей завтра соваться на вокзал.

– Так что, это правда насчёт взрыва?

Эван не ответил. Распахнул окно, закрыл глаза.

С осени, значит. Это же сколько месяцев она ему врала? А он-то, придурок, имена будущим детям придумывал. Что ж, по крайней мере, сейчас она в безопасности. Наверное, спряталась у какой-нибудь из подруг. Или нашла себе очередного дурачка.

Только теперь он понял, как устал. Эми, конечно, рассердится, но нет никаких сил идти к ней на пустошь.

8

– Балбес! – Эми топнула босой ногой. – Вот ни на минутку тебя нельзя оставить!

– Да просто он ей осточёртел, и она ушла, – оправдывался Эван. – Что такого-то? А взрыв задумал не он, ты была права. Иначе какой смысл ему ко мне приходиться?

– Не он, – спокойно согласилась паури. – Это мистер Бойд.

– Шутишь? Его даже в поезде не будет! Только Элен, его родственница. Господи, да даже не в этом дело! Он хороший человек!

– Высказался? Пока ты вчера бродил не пойми где, я читала газеты, которые ты приволок. Увлекательное чтение, скажу я тебе. «Солнце свободы» хаёт мистера Бойда на чём свет стоит, бойдовский «Глашатай» разносит Альянс в целом и Льялла в частности – в общем, любовь до гроба. Если бы не статьи в «Глашатае», кто бы вообще знал о Льялле? При всём уважении к выбору твоей Иды, в Альянсе есть рыбка и покрупнее, чем этот горе-репортёр. Зато теперь каждая собака в Вольдене осведомлена о политической ориентации Льялла. И случись что в поезде – на кого подумают? Правильно. Мы и сами купились. Только представь себе: жуткая трагедия, все проклинают Альянс, а одинокий герой, столько лет предупреждавший об опасности, увенчан славой. Нет, Бойду это на руку как никому другому.

– Но в том вагоне поедет его сестра!

– И что? Лишний штрих к трагическому облику героя.

– Допустим. Но как бы он заставил Льялла пронести взрывчатку так, чтобы тот не знал?

Он придурок, конечно, но не настолько же.

– О, поверь, он пронесёт её добровольно и с песней, – сухо усмехнулась Эми. – Если у Бойда найдётся соответствующий аргумент. Поэтому я диву даюсь – с чего ты так уверен, что с твоей девицей всё в порядке?

* * *

Зал ожидания был битком набит. От галдежа и запаха краски у Эвана закружилась голова.

Эми, конечно же, сказала, что будет ждать снаружи. Да и чёрт с ней, честно говоря. Как-то не верилось в эту чушь про мистера Бойда. Нет, искать надо другого человека. Раз Льялл разорвал свой билет, а Ида где-то прячется – значит, освободились два места. И если таинственному благодетелю так уж необходимо осуществить свой замысел, то ему придётся себя проявить.

В части зала, отгороженной для пассажиров первого класса, было куда просторнее. Эван скользнул взглядом по ожидающим. Молодая пара. Элегантная пожилая леди со смутно знакомым лицом – наверное, сестра Бойда? Стайка банковских служащих, молодая мать с коляской...

И Льялл с чемоданом в руке.

Какого ж чёрта?

Рослый констебль ринулся было наперерез Эвану, но не успел: тот перемахнул через ограждение, чуть не сбив с ног молодую мать. В нос ударил сладковатый тошнотворный запах духов.

– Ублюдок, – прошипел Эван, поравнявшись с Льяллом. – Ты же обещал!

– Ида у него, – прошелестел Льялл, глядя в пол. – У Бойда. Не мешай. Я всё сделаю, и он её отпустит.

Краем глаза Эван заметил, что люди вокруг них начали расступаться. Поверх голов замелькали синие фуражки констеблей.

– Господа, у этого человека взрывчатка! – крикнул он, оборачиваясь. – Нужно осмотреть его багаж. Только не здесь, а подальше от людей.

Как ни странно, в глазах констебля промелькнуло что-то, похожее на сомнение.

– Кто его сюда пустил? – визгливо возмутился Льялл. – Он не в себе!

– Сэр, вы не могли бы предъявить... – начал было констебль.

– Это бред! – неестественно рассмеялся Льялл, одарив Эвана ненавидящим взглядом. – Вы что, верите этому ненормальному? Вот, смотрите!

И – прежде чем Эван успел перехватить его руку – Льялл щёлкнул застёжкой чемодана. Крышка гулко стукнула об пол.

Тишина сменилась негодующими возгласами.

Эван замер, не веря своим глазам: чемодан был пуст!

– Не может быть, – выдохнул он. – Это ошибка...

Что-то взорвалось в голове – и мир пропал.

9

Эван открыл глаза. Увидел небо.

– Хорошо тебя отделали, – Эми склонилась над ним. – Идти-то сможешь?

– Это не Льялл. У него нет взрывчатки. Ты была права, Ида у Бойда, а я просто идиот...

– Не ной. Жива твоя Ида. Не знаю, как насчёт «здорова», но жива.

– Вот только не надо меня утешать!

– И не думаю, – удивилась паури. – Как бы они заманили Льялла в поезд, не будь он уверен, что Ида пока ещё невредима? Вот сейчас, в этот самый миг – он точно знает, что она ещё на этом свете. А откуда?

– Он её видит?

– Вот и умница. А что он может видеть из окна зала ожидания?

– Склад, – прохрипел Эван, поднимаясь на ноги.

* * *

Эван стоял, упёршись лбом в старую кирпичную стену. Очень кстати она была, эта стена – окружающая действительность то и дело норовила пуститься в пляс, а так в пространстве был, по крайней мере, один ориентир. Эми топталась у него на плечах, заглядывая в зарешёченное окошко.

– Да, там она, – наконец проговорила паури. – И мистер Бойд. Один, что отрадно.

У Эвана отлегло от сердца.

Эми ловко и бесшумно спрыгнула на землю. Сбросила шаль. Достала кинжал из ножен, облизнулась.

– Только не мешай мне. И не ходи туда. Незачем тебе такое видеть, хоть ты и врач.

Эвану вдруг стало не по себе: такой он её ещё не видел.

– Ты же не причинишь ей вреда? Эми?

Паури не ответила. И скрылась за углом.

* * *

Эван прижался к стене. Закрыв глаза, вслушиваясь в тишину.

– Эй, девочка, ты куда? Сюда не...

Короткий крик. Стук падающего тела. Возня. И истошный женский вопль.

Эван, опомнившись, ринулся ко входу на склад. Вовремя: Ида – с повязкой на глазах, со свежей ссадиной на скуле – упала бы, если бы он её не подхватил.

– Боже, Эван, это ты? Я уже думала... – она уткнулась в плечо мокрым от слёз лицом. – Что там творится?

От неё пахло потом и кровью. Эван рассеянно и неловко гладил её по волосам. И не чувствовал ничего кроме тихой, усталой жалости. Ида всхлипывала, как ребёнок.

Ребёнок?

Эван замер. От воплей Льялла в зале ожидания и мёртвый бы проснулся – а малыш в коляске даже не захныкал. И его мать и не подумала отбежать в сторону, заслонить коляску – словно *знала*, что в чемодане Льялла ничего не найдётся...

Пальцы Эвана сомкнулись на остроконечной заколке и вытащили её из причёски Иды. Каштановые волосы рассыпались по плечам.

– Ты чего? – прошептала Ида.

Он не ответил. И опрометью бросился к поезду.

Вокзальные часы показывали без четверти полдень.

10

Молодая мать, вопреки настойчивым предложениям помощи, сама внесла коляску в вагон. Остановилась напротив одной из лакированных дверей, вытирая испарину со лба.

– Извините, леди, здесь душно, – смущённо улыбнулся проводник. – Но в купе окна открыты, должно быть прохладнее.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Хочу побыть одна.

Закрыла дверь купе изнутри. Склонилась над коляской. И даже не вздрогнула, почувствовав прикосновение холодного металла к шее.

– Тихо, Карен, – проговорил Эван. – Убери руки от коляски.

– Откуда ты знаешь? – спросила она, не оборачиваясь. Удивительно спокойным, чистым голосом.

– Запах, – коротко ответил Эван. – Я же бывал в хосписах... Его духами не перебьёшь.

– И, наверное, ребёнок? – краешек её губ дрогнул. – Мистер Уильям говорил, что надо бы взять в приюте настоящего – но такое не по мне.

– А в поезде, чтоб ты знала, есть и другие дети. Настоящие.

– Перестань, – бросила она равнодушно. – Ну и что нам с тобой делать? Даже если ты мне горло перережешь, я успею всё взорвать.

– Зачем?

– Мне осталось жить несколько недель. И кто, по-твоему, виноват? Такие вот богатенькие бездельники, как пассажиры этого поезда. Знаешь, сколько стоит билет в такой вагон? Да я за полгода на фабрике меньше зарабатывала! Этот доктор в больнице, сволочь, давай на меня орать, что ж я раньше не пришла. А когда – раньше? Я работаю каждый день по двенадцать часов! Эти гады, – она неопределённо дёрнула плечом, – могут себе позволить по врачам ходить. А такие, как я – чёрта с два.

– Это ведь твоя идея, – догадался Эван. – Ты уговорила Бойда оплатить диспансеризацию.

– Ну да. Такая вот цена. По мне, так справедливо.

В дверь постучали.

– Миссис Гилкрист! – тревожно позвал кто-то. – У вас всё в порядке?

Эван чуть сильнее прижал заколку к тонкой шее. И заговорил – отчаянно, быстро, лишь бы не молчать:

– Справедливо? Карен, да я и представить себе не могу, что тебе пришлось и придётся пережить. И точно знаю: ты этого не заслуживаешь. Такого вообще никто не заслуживает, если честно. А ещё знаю, что не будет никакого праведного возмездия. А будет – знаешь что?

Он потянулся в карман пальто за блокнотом. Откинул обложку. И начал читать:

– Мелоди Дэй, восемнадцать лет. Переломы костей свода и основания черепа, костей носа, верхней и нижней челюсти. Альберт Нильсен, сорок семь лет. Размозжение головного мозга при открытой черепно-мозговой травме, термические ожоги туловища и конечностей...

– Миссис Гилкрист! – этот голос был ниже и уверенней первого. – Откройте, или я буду вынужден взломать дверь!

– ...Энни – фамилия неизвестна, семь лет. Поперечный перелом височной кости...
– Чёрт с тобой, – проговорила она наконец, опуская руки. – Я не знаю, как это остановить...

Дверь отъехала в сторону. Эван увидел бледное лицо проводника, дуло револьвера в руке констебля. И успел подумать, что, как бы там ни было, справедливость – это самое бесполезное слово на свете. Всегда не то, что мы за неё принимаем.

11

Он поставил тяжёлые чемоданы на крыльцо. С наслаждением выпрямился, подставив лицо солнцу и слушая, как в вересковых зарослях стрекочут цикады.

– Вернулся, значит? – раздался знакомый хриплый голос. – А это что за барахло? Умоляю, скажи, что книги.

Он обернулся. Эми стояла у старой осины. И улыбалась.

– Ну что, поговорил со своей ненаглядной?

– Они с Льяллом пообещали назвать сына в мою честь.

– Радость-то какая.

– Ага.

– Ты не бери в голову. Дура она. И ты тоже дурень, но я скучала, – Эми склонила голову набок. – Так что в чемоданах-то?

– Мои пожитки. Надеюсь, ты не против?

Она молча уставилась на него.

– Арендную плату буду вносить книгами, – улыбнулся Эван. – А вообще, я тут подумал – Вольден растёт, как на дрожжах. Скоро здесь всё застроят, и в новые дома въедут новые люди. Не всегда хорошие. А значит, нам с тобой будет чем заняться. Если тебе, конечно, интересно...

– Хватит уже ходить вокруг да около, – паури подбежала к нему и, подпрыгнув, вытащила свежую газету из кармана пальто. – Что случилось-то?

– Вот, смотри, – Эван указал на обведённую карандашом заметку. – Позавчера у речной пристани обнаружили...

Дороги, которые нас выбирают # Виктор Точинов

Дражайшим моим соавторам, российскому и североамериканскому, посвящается...

1. 1903

– Ах, мне так страшно! – слегка манерничая, произнесла Соня, самая старшая из сестер Королевых; недавно этой здравомыслящей и рассудительной барышне исполнилось целых одиннадцать лет

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя сестре.

Девочки стояли на лестнице, ведущей наверх, к гостевым комнатам. Недавно, буквально только что, они стали обладательницами загадочной и страшной тайны, – подкравшись к двери и подслушав разговор брата Володи – гимназиста-второклассника, приехавшего на рождественские каникулы – с его товарищем и соучеником Чечевицыным, гостящим у Королевых.

О, что они узнали!

Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: "Монтигомо Ястребиный Коготь", а Володю – "бледнолицый брат мой".

– Может, все-таки расскажем маме? – предложила рассудительная Соня.

– Никак нельзя, Сонечка, – отвергла предложение Катя. – Володя привезет нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Соня не нашла, что возразить против столь серьезного резона, – и великую тайну решено было сохранить.

Гимназист Чечевицын, гостящий у них, был, без сомнения, личностью незаурядной и замечательной. Он был угрюм, все время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и ученый человек. Он о чем-то все время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чем-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Пока сидели за чаем, он обратился к сестрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

После чая мальчики сели у окна и стали о чем-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

– Сначала в Пермь... – тихо говорил Чечевицын... – оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевезут на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей.

– А Калифорния? – спросил Володя.

– Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Он сурово кашлянул, потер правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

– Вы читали Майн-Рида?

– Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погруженный в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щеки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он еще раз поднял глаза на Катю и сказал:

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

– А это что такое?

– Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

– Господин Чечевицын.

– Нет. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая младшая из сестер, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

– А у нас чечевицу вчера готовили.

...До двух часов следующего дня, когда сели обедать, все было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику – там их не было. Послали в село – и там не нашли.

По счастью, в селе случился в тот день полицейский урядник Ярохин, приехавший в сопровождении двух нижних чинов расследовать смертоубийство крестьянина Овсянникова В. И., случившееся на свадьбе его сына Овсянникова И. В. Никаких пинкертоновских подвигов от Ярохина не требовалось: надежно связанный убийца уже сидел в чулане, свидетелей набиралась полная горница, оставалось только заполнить бумаги и доставить преступника в уездную тюрьму.

Узнав о пропаже мальчиков, урядник отложил почти завершенное следствие, уселся в свои розвальни и двинулся в усадьбу Королевых. Следом верхами двигались двое нижних чинов.

Беседовал урядник с родителями в столовой, одновременно заполняя какую-то бумагу. Спрашивал про Парамоновский лес – большой, дни напролет блуждать можно – и начинавшийся буквально в версте от имения.

Мамаша Королева плакала.

Старшие девочки переглядывались. Золотой песок и слоновая кость казались им все менее привлекательными...

2. 1918¹

Бешеная скачка перевалила на шестую милю, когда лошадь Боба Лагарры поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу.

Лагарра пристрелил ее и бандиты занялись каждый своим делом: Боб снимал с кобылы упряжь, Акула Додсон о чем-то размышлял, поигрывая рукоятью кольца. Боливар, каурый жеребец Акулы Додсона, тут же принялся щипать траву, благодарный за недолгую передышку.

¹ Примечание для издательства: все отрывки из текста О Генри, включенные в текст, заново переведены автором.

Грабители остались вдвоем: третий член шайки, индеец-полукровка Джон Большая Собака, лежал далеко позади, у водокачки, не разминувшись головой с пулей, выпущенной из винчестера охранником почтового вагона.

Затылка у Собаки не стало, а его мозги расплескались пятном не менее ярда в длину. Собачья смерть во всех смыслах... Но компаньоны покойного не грустили о нем ни секунды. Едва лишь душа Собаки полетела к Маниту, а его мозги к рельсам и шпалам, – доля каждого из двоих уцелевших выросла на одну шестую.

Не стоило бы разоблачать застреленную кобылу, снимая с нее уздечку, седло и прочие лошадиные путы и вериги, достаточно было бы отвязать брезентовый мешок с добычей. Но оба понимали: лучше потерять немного времени, но не оставить следов.

Лагарра, как истинный мексиканец, отличался склонностью к позерству, к трескучим фразам и эффектным жестам... И к безвкусно-роскошной лошадиной упряжи: пышная бахрама, золоченые бляшки, наклепанные повсюду. И его, Лагарры, многочисленные серебряные монограммы, из множества переплетенных букв. (Боб, как и прочие мексикашки, являлся носителем целой грозди имен: Борхес-Антонио Ледехас ла Гарра Делькон, – Акула Додсон выслушал, хмыкнул, и тут же забыл, сократив до Боба Лагарры.)

Боб закончил возиться с упряжью, зашвырнул всю богато изукрашенную сбрую подальше в заросли чапарала. Лошадь стала неопознаваемой, мало ли дохлятины валяется в предгорьях на радость воронью и грифам-стервятникам?

Акула Додсон принял решение.

– Очень мне жалко, Боб, что твоя гнедая сломала ногу, – произнес он негромко, выжидая: потянется ли к мешку мексикашка?

Потянулся... Не мог не потянуться... После стольких трудов и тревог даже не посмотреть, за какой же куш шла большая игра?

Додсон и впрямь жалел о сломанной ноге кобылы, но лишь поначалу. Теперь перестал жалеть. Лошадка у Лагарры была на редкость резвая, а сам он худ и невелик ростом. К тому моменту, когда с ней приключилось несчастье, гнедая вместе со всадником (и с брезентовым мешком!) оторвалась от Боливары уже на три десятка корпусов и помаленьку наращивала отрыв. Может, и к лучшему, что больше ей бегать не придется, как знать...

Боб Лагарра распустил завязки, перевернул мешок, – и с детским счастливым смехом высыпал из него пачки новеньких кредиток и мешочки с золотом.

– А ведь ты не промахнулся, старый пират! – радостно обратился он к Додсону. – Ты вообще не промах и шариишь в чужих деньгах получше любого банкира-янки! Кому угодно дашь сто очков форы – что здесь, в Техасе, что там, на Уолл-стрит!

– Что же мы придумаем с лошадьё для тебя, Боб? Медлить нельзя, погоня еще сегодня сядет нам на хвост.

– Проедем недолго вдвоем на твоём жеребце и отберем первую же лошадь, какую повстречаем... Но, клянусь честью, мы сорвали-таки банк! Если надписи на пачках не врут, здесь тридцать тысяч! По пятнадцати тысяч зеленых спинок на каждого!

– Меньше, чем я ждал, – сказал Акула Додсон, думая о другом, и задумчиво поглядел на своего взмокшего и уставшего коня.

– Старина Боливар нынче битая карта, – медленно произнес он. – Как бы я хотел, Боб, чтобы твоя гнедая не пострадала...

– Кто б не хотел? Да что уж теперь... У этой лодки крепкое днище, – кивнул он на Боливару, – она вывезет на тот берег, где мы сменим лошадок... Черт возьми, Акула, вот что смешно: ты чужак с Востока, а мы здесь, в приграничье, у себя дома, – и все-таки ты сумел поучить здешних людишек, как играть в покер шестизарядными картами... Из каких мест ты приехал?

– Приехал из штата Нью-Йорк, – ответил Акула Додсон, присев на валун. – Но родился я еще дальше... Мальчишкой сбежал из дому, дошел до развилки дорог и не знал, куда свернуть... Пошел налево, но иногда задумываюсь: как повернулась бы жизнь, если бы я выбрал другую дорогу?

– Думаю, жил бы так же... Со своей дороги, куда ни сворачивай, все равно не сойдешь, Акула, вот какая штука... Выбираем не мы, понимаешь? Это они, дороги, нас выбирают.

Акула Додсон поднялся с валуна.

– Я сожалею, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, – сказал он с печалью.

– Кто ж радуется? – кивнул Боб, – Разве что воронье, хорошая им пожива будет... Но Боливар выдюжит... Думаю, лучше нам двигать дальше, Акула. Сейчас я упакую обратно этих бабушек в буклях, – и вперед, в лес, в предгорья.

Боб Лагарра ссыпал в мешок картинную галерею президентов, и впрямь чем-то напоминавших благообразных старушек, начал завязывать. Услышав негромкий шелчок, Боб подняв голову и увидел кольт сорок пятого калибра, уставившийся на него немигающим взглядом.

– Не шути так, Акула Додсон... Дернется рука и пропишешь невзначай мне свинцовую пилюлю.

– Сиди спокойно! – приказал Акула. – И держи руки, где держишь... Ты останешься здесь, Боб. Мне очень неприятно это говорить, но шанс остался лишь у одного. Боливар изрядно утомлен, и он не выдержит двоих.

3. 1903

Грандиозный, рассчитанный на долгие годы и на тысячеверстные расстояния, план гимназиста Чечевицына дал течь уже на первом перекрестке...

Здесь дорога, ведущая к усадьбе Королевых и селу, пересекалась с трактом. Стоял тут столб с приколоченной доской-указателем: до губернского города три версты, до уездного вчетверо дальше.

Великий план предусматривал, что здесь мальчишки подсядут в попутные ямщицкие сани, заплатив ровно четвертак серебром, и ни копейкой больше – наличный капитал в четыре рубля семьдесят две копейки следовало расходовать экономно.

С ямщиком предстояло добраться до губернского города, и оттуда уже следовать в сторону Аляски бесплатно, закопавшись в уголь в тендере паровоза.

План дал трещину сразу: ямщиков на тракте не было. Ни попутных, ни встречных, никаких.

Прошла четверть часа, затем еще четверть. Ямщицкие сани не показывались. Мальчишки начали замерзать.

– Пошли пешком! Хотя бы согреемся! – решительно постановил Чечевицын.

– Три версты? По морозу?

– Нет, двенадцать, – указал Чечевицын в другую сторону. – Время потеряно, бледнолицый брат. Погоня дышит в затылок. Но они решат, что мы выбрали короткий путь и будут искать нас там. А мы выберем длинный и оставим погоню с носом!

– Двенадцать верст?! Ты, верное, сошел с ума? Ты когда-нибудь ходил двенадцать верст пешком, хотя бы даже летом?

– А как же мы пойдем с Аляски в Калифорнию вдоль берега океана? Там тысячи миль пути, и, знаешь ли, ямщики не встречаются. Будем тренироваться. В путь, бледнолицый брат!

– Иди один... Я раздумал ехать... Мы никуда не дойдем пешком, ни в какую Калифорнию. Мы даже до уездного города не дойдем!

– Так ты не поедешь? – сердито прошипел Чечевицын. – Говори: не поедешь?

– Господи! Как же я поеду? Мне маму жалко... Уже хватилась нас, с ума сходит... Мне холодно, я устал... Я возвращаюсь домой.

– Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня сманил, а как ехать, так вот и струсил?

– Я... я не струсил, а мне... мне маму жалко.

И тут из-за поворота вывернули груженные сани. Чтобы им появиться на полчаса раньше... И ехали-то по начальному плану: в сторону губернского центра.

Чечевицын махнул рукой, сани остановились.

– Тпр-р-ру! Подвезти, чтоль? Докеда ж вы так одни-то собравшись?

– До города. Четвертак серебром, – отрывисто сказал Чечевицын и вновь повернулся к Володе. – Ты говори: едешь или нет?

– Я поеду, только... только погоди. Мне хочется дома пожить.

– В таком случае я сам поеду! – решил Чечевицын. – И без тебя обойдусь. А еще тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай все наше снаряжение!

Володя заплакал. И потянул с плеч свой гимназический ранец – именно он (до появления своих коней и переметных сум) служил главным хранилищем для снаряжения и припасов.

Чечевицын торопливо перегружал в свой холщовый мешок их богатства.

– Так поедете, али как? – нетерпеливо понукал ямщик.

– Жди! – коротко бросил Чечевицын и последний раз спросил у Володи:

– Не поедешь?

– Не... не поеду.

– Тогда прощай! Ты оказался подлым трусом, бледнолицый брат! Койоты обглодают твои кости и растащат по прерии... Прощай!

Сани укатили. Володя остался один. Так и стоял у столба указателя, не находя в себе сил пошагать обратно.

Со стороны дома послышался стук копыт. Погоня – двое верховых – не заставила себя ждать.

– Где он? Где второй? – настойчиво выпрашивали у него.

Володя не мог ничего сказать, лишь тряс головой и плакал.

– Отстаньте вы от парня! – послышалось из подкативших розвальней. – Давайте-ка, один направо, другой налево, и ко всем возам приглядывайтесь! А ты залезай сюда, малец, задрог уже совсем!

4. 1918

Акула Додсон выжидал именно тот момент, когда руки сообщника окажутся заняты мешком... Он вообще-то был уверен, что даже в честной «ковбойской дуэли» первым дотянется до кобуры движением стремительным, как бросок гремучей змеи. И первым выстрелит от бедра – точно в лоб. Смуглые ребята из-за Рио-Гранде не сильны в таких играх... Исподтишка ударить в спину навахой – вот что мексиканцы любят, умеют и охотно делают.

Боб Лагарра тех троих, что числятся на его счету, наверняка завалил именно так. Старый Крейзи Джудсон, рекомендовавший Акуле Додсону нового подельника, сообщил подробности, но Акула был тогда слишком пьян, и ничего не запомнил. Ну а тому, что рассказывал о себе после пары стаканчиков (развозило его легко) захмелевший Борхес-Антонио Ледехас ла Гарра Делькон, мог поверить только слабоумный.

Лагарра – лишь в буйных своих фантазиях – и добывал меха на Аляске, и мыл золото в Калифорнии, и возил контрабандный джин во Фриско, а в Мексике совсем уж чуть было не женился на красавице, на дочери богатого плантатора, но сбежал, убив на дуэли ее брата... А

на каком-то далеком острове все же женился на дочери вождя, и наплодил двоих детей, но и оттуда в конце концов сбежал, затосковав по цивилизации...

Акула Додсон был уверен, что уложит хвастливого мексикашку играючи. Но зря рисковать не хотел. Кладбища полным-полны парнями, верившими в себя и любившими риск...

– Мы с тобой провернули шесть неплохих дел, Акула Додсон, – заговорил Боб подрагивающим голосом, – и это седьмое... Не раз мы с тобой слушали, как свистит свинец и вместе гуляли тропками, ведущими к Конопляной Мэри. Я думал, что ты человек... Слышал я, будто ты выбираешь в напарники индейцев да мексиканцев, чтобы, когда придет время делить хороший куш, на их долю досталась бы свинцовая маслина... Слышал, но не поверил, а зря. Да только знай одно: я родился не в Мексике, Акула, хоть и приехал сюда из-за Большой Реки... Я, знаешь ли...

Боб говорил все громче, эмоций в голосе добавлялось, он помогал себе энергичными жестами, но к револьверу не тянулся, Акула Додсон следил за этим тщательно, готовый в любой момент выстрелить. Он не вслушивался в слова, печально смотрел на Боба, – худого, смуглого, очень некрасивого. На его щетинистые черные волосы, узенькие глаза, толстые губы, – и не знал, как объяснить, что убьет он сейчас Боба Лагарру вовсе не за то, что тот поганый мексикашка, и выглядит, как поганый мексикашка, так что не надо врать, что ты внебрачный сын мадагаскарского короля, или какую там еще очередную байку пытается на ходу слепить Лагарра... Он убьет его по другой причине, простой и заурядной: Боливар не вынесет двоих.

Акула Додсон так и не придумал, как объяснить, и решил не объяснять ничего.

– Ты мне не поверишь, Боб Лагарра, – вздохнул он, – ну да ладно... Но мне действительно очень неприятно, что...

Он не понял, что произошло. Руки Боба по-прежнему совершали энергичные жесты, но к бедру, к кобуре не тянулись, и внезапно в правой ладони появилось нечто маленькое, блестящее, изогнутое, – словно из руки вырос вдруг кривой коготь зверя или крупной хищной птицы...

«Нечто» шелкнуло – не громче, чем семифутовый ковбойский бич, и будто острая игла кольнула Акулу Додсона в самое сердце.

Кольт тяжело рухнул в пыль. Следом рухнул Додсон, – сначала на колени, потом нырнул головой вперед и стал напоминать магометанина на молитве. Ему казалось, что рука уже нашарила кольт, что сейчас мерзкий выдумщик превратится в решето, а потом он, Додсон, будет долго пинать сапогами тщедушное тело... Однако пальцы даже не скребли пыль, пытаясь ухватить рукоять револьвера, лишь мелко подрагивали.

Оборванную фразу довершил Боб Лагарра:

– Действительно, очень неприятно получилось, что моя гнедая поломала ногу... Лучше бы ногу сломал твой Боливар, именно так, Акула Додсон. Тогда бы я просто ускакал с мешком.

Акула был еще жив, но едва ли что-нибудь слышал. И никак не отреагировал, когда крохотный двуствольный пистолетик почти вплотную приблизился к его стетсону. Вновь раздался щелчок, как от хлопнувшего бича. На шляпе появилась маленькая, едва заметная дырочка, и для Акулы Додсона все закончилось.

Боливар быстро уносил прочь последнего из шайки и, наверное, радовался замене хозяина. Прежний, высокий и плечистый, был значительно тяжелее нового седока.

Борхес-Антонио Ледехас ла Гарра Делькон думал, что мог бы по здешнему обычаю сделать зарубку на рукояти пистолетика, странствовавшего с ним долгие годы и сегодня вновь спасшего жизнь. Мог бы, но не сделает: крохотная, едва двумя пальцами обхватить, рукоять давно бы перестала вмещать все зарубки, ей причитающиеся...

Пистолетик постранствовал немало, вместе с хозяином, разумеется. Тот действительно плывал юнгой на зверобойной шхуне и добывал меха у берегов Аляски, а когда шхуна потонула,

действительно жил среди алеутов, и стал зятем вождя, и лишь три года спустя вернулся в мир белых людей вместе с заглянувшими на остров китобоями...

Вспомнить было что. Но он не вспоминал. Впереди лежал весь свет и таил еще много неизвестного и замечательного. Брезентовый мешок, притороченный к луке седла, волновал Боба иначе, чем покойного Додсона, – Лагарра видел в деньгах не цель, лишь средство. С тем, что уже припрятано после прежних дел с Акулой (там уловы были куда скромнее) можно исполнить давнюю мечту, поехать в Южную Америку, в амазонские дебри, хватит и на дорогу до Манауса, и на организацию экспедиции... Охота на ягуаров и гигантских анаконд, стычки с враждебными племенами, поиск древних городов, поглощенных джунглями, – вот чем был для него мешок, бьющийся о луку седла, вот почему он как ребенок радовался добыче...

Заросли чапарала закончились, и, когда Боб Лагарра поскакал по лесу, деревья перед ним словно подернулись туманом, седло стало каким-то странным и отчего-то неподвижным, и, открыв глаза, он увидел, что ноги его упираются не в стремена, а в днище брички, и сапоги другие – без узких носков, без шпор с колесиками, без высоченных каблуков... хотя нет, нет, каблуки и на этих хромовых сапогах оказались значительно выше обычных.

Отреагировал на непонятное Боб Лагарра привычным жестом, но вместо кобуры с кольцом рука нащупала деревянный футляр маузера... И затянута была та рука в похрустывающую черную кожу.

Короче говоря, Борхес-Антонио Ледехас одновременно превратился в Бориса Антоновича Чечевицына, а грозное прозвище «Ла Гарра Делькон» (Коготь Ястреба), наводившее панический ужас на гасиенды возле Вера-Крус, обернулась другим добавлением к имени: спецуполномоченный ГубЧК. Добавление это, хоть и не столь звучное, ужаса наводило не меньше.

5. 1903

У крыльца остановились розвальни урядника Ярофеева, и от тройки белых лошадей валил пар. Нижние чины уехали в село, за позабытым было убийцей крестьянина Овсянникова.

– Володя приехал! – крикнул кто-то во дворе.

– Володичка приехали! – завопила Наталья, вбегая в столовую.

И Милорд залаял басом: "Гав! гав!"

Оказалось, что мальчиков нашли порознь: Володю на развилке дороги, Чечевицына же задержали в городе, в Гостином дворе (там он ходил и все расспрашивал, где продается порох). Володя, как вошел в переднюю, так и зарыдал и бросился матери на шею.

Папаша повел Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго говорил с ними; мамаша тоже говорила и плакала.

– Разве это так можно? – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Не хорошо-с! Вы зачинщик и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве это так можно?

Володя потом лежал, закутанный в одеяло, а к голове ему прикладывали полотенце, смоченное в уксусе.

Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехал невысокий костистый господин, отец Чечевицына. Были они похожи: оба смуглые, толстогубые, с жесткой щетиной волос.

До отъезда Чечевицын-папа попросил времени и места серьезно переговорить с сыном – после чего оба удалились в освобожденный для этой цели флигель приказчика.

Разговор длился чуть более часа. Старшие девочки, Соня и Катя, бродили неподалеку, слегка тревожась: но нет, тех звуков, что обычно сопровождают экзекуции, не доносилось (впрочем, понятие о том у сестер имелось скорее умозрительное – папаша Королев выписывал сыну горячих редко и с бережением, хотя и в том самом флигеле).

Затянувшийся разговор окончился и вскоре Чечевицын-отец увез своего сына.

Когда Чечевицын уезжал, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь с девочками, он не присел и не сказал ни одного слова; только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти: "Монтигомо Ястребиный Коготь".

Машенька Королева наблюдала за этим со стороны, из угла гостиной, и сама не понимала, отчего ее глаза все сильнее заполняются слезами.

6. 1918

– Вздремнувши, товарищ Чечевицын? – небрежно спросил комэска Фокин. – Гляжу, ты носом заклевал, так и не стал тревожить, хоть так, думаю, передохнет малеха...

Фокин и двое его ординарцев ехали рядом верхами. Остальные всадники отряда растянулись колонной по двое и впереди, и позади брички.

– Давно? – спросил чекист, растирая глаза кулаками.

– Чё давно-то? – не понял комэска.

– Сплю давно?

– Дык с полверсты, как задремавши...

– Надо ж, какой сон длинный привиделся... Давненько такое не снилось... Бывал я детстве в этих местах... Давно, пятнадцать лет назад. Правда, тогда зима была... Навеяло, видать.

Комэска посмотрел искоса: лицо у спецуполномоченного стало другим, словно помолодело на те самые пятнадцать лет... И еще мечтательность появилась, и во взгляде, и в улыбке (широкая улыбка на лице у Чечевицына... второе пришествие грядет, не иначе).

– Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, – сказал чекист и даже голос его стал другим, словно бы детским, – а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

– Чё, чё? – изумился Фокин.

Чечевицын вновь грустно улыбнулся и добавил:

– А также индейцы нападают на поезда...

– Поспал бы ты в бричке еще, товарищ уполномоченный, пулеметы сдвинувши. Как-таки, богомать твою, индейцы? Чай от нас до Индии вест с полтыщи, кабы не поболее (Чечевицын после этих слов улыбнулся обычной своей заледеневшей улыбкой, самыми кончиками губ.) Бандюки из тутошних погромили поезд на разъезде, верно тебе говорю...

– Не читал Майн-Рида... – постановил спецуполномоченный уже самым обыденным своим голосом, жестким и твердым, словно протокол подписать предложил.

– Какой там май, до мая я не доучившись... – махнул рукой комэска. – Зимой в церковно-приходскую походил, а как весна, батяня за шкирятник сгреб: хорош, мол, учиться, ученик, мол, уже... Только буквы и осилил. А чтоб слова из них... так то в унтер-офицерской школе, десять годков спустя, учили складывать.

Комэска помолчал, вернулся к насущному:

– Банда, верно тебе говорю. И не откель-то залетные, самые, богомать твою, тутошние.

– Пока не банда... – рассеянно сказал Чечевицын, все еще вспоминая свой сон.

– Чё?

– Не банда, говорю. Дезертиры, местные, с Коммунарво, несколько с других деревень ближних... В Парамоновском лесу сидят, от мобилизации прячутся. Всего десятка три, но при оружии из них меньше половины. Вот еще пару налетов проведут, винтовками, наганами, патронами разживутся, кровью друг друга повяжут... Тогда будет банда.

– Чё-то ты, товарищ Чечевицын, все про них знаешь больно уж обстоятельно...

– Агентурные данные.

– Ты меня, товарищ Чечевицын, словесами мудреными не пужай... Нет бы в простоте сказать: сыскался, мол, в банде иуда, сдал своих с потрохами...

– Не иуда, а осознавший свои заблуждения и раскаявшийся гражданин.

– Все едино иуда... Ну и каким макаром мы их с Парамонова лесу выкурить сподобимся? Видывал я тот лес, цельным полком тот лес и то не прочесать, а у меня сто семеро списочного состава, сам сто восьмой. Да ты, да с тобой трое. Ежели даже дуриком напоремся на их, – уйдут, как есть в чашу уйдут... Зимы по хорошему надо бы ждать... Люди, богомать твою, не волки, чтоб в лесу-то зимовать, сами по избам родительским разбредутся... Там и вяжи их поодиночке.

– Нет у нас до зимы времени, товарищ Фокин. У нас и дня-то лишнего нет. Было у нас с тобой двое суток, да половина первых уже прошла. Тебя на фронте ждут, меня в Губчека, а ты тут до зимы сидеть надумал.

Чечевицын не преувеличил. Не то что дня, часа у них лишнего не было. Войска Комуча и белочехи меньше чем в сотне верст, фронт трещит и распадается на части, каппелевцы рвутся к Казани.

Оперативный отряд усиления под командованием Фокина срочно изъяли из подчинения ГубЧК и перебрасывали на фронт. Но по пути надлежало выполнить дополнительное задание: избавить от угрозы единственную железнодорожную нитку, связавшую губернский город с Москвой.

Комэска Фокину очень не хотелось заниматься поисками иголки в стоге сена, то есть банды в Парамоновском лесу. Он понимал: если спустя два дня не явится на фронте с докладом к командиру сводного им. Нижегородского пролетариата конно-пехотного полка, – армейское начальство поставит к стенке. А если они не обезвредят банду, угрожающую железке, – к стенке поставят чекисты. Не одного поставят, в компании Чечевицына, но кому от того легче?

Фокина не расстраивали мрачные перспективы. Он был фаталистом, хоть и не знал такого слова. Образование у комэска хромало, но крестьянского здравого смысла хватало с избытком. Он хорошо понимал: что бы там ни постановило губернское и армейское начальство, тридцативерстовую дыру во фронте постановлениями не заткнуть. Его отрядом в сотню сабель – не заткнуть тоже. Да и конница – одно лишь название, бойцы по большей части и шашку-то в руках не держали, винтовки за спинами висят – и те пехотные, со штыками, а лошади в отряде в основном для того, чтоб к месту новой акции побыстрее добраться.

Убьют его беляки или же расстреляют свои за неисполнение одного из двух неисполнимых приказов, Фокина не особо заботило, – дальнейшие планы комэска на жизнь опирались на трех китов: авось, небось и как-нибудь. Он сомневался, что жизнь затянется сильно дольше двух дней: третий будет за счастье, а четвертый станет самым настоящим чудом.

Удивительно, но Фокину даже не приходила в голову мысль спрятаться в лесу, отсидеться на манер Парамоновских дезертиров, или вообще перейти на сторону неприятеля. Наверное, сказывалась нехватка воображения или правильного образования.

Комэска всего лишь не хотел тратить недолгие оставшиеся дни на блуждания по Парамоновскому лесу. От лесной сырости и прохлады у него начинала ныть нога, простреленная на германском фронте.

– Погляди-ка, товарищ Чечевицын, – протянул Фокин свой армейский бинокль чекисту, – ну как поглядишь, да надумаешь чё-нить потолковее, чем лес тропить дуриком...

На самом деле комэска не сомневался: уполномоченный точно сейчас что-то придумает. Чечевицын был силен выдумывать разные хитрые планы, да и воплощать их умел недурно.

К тому времени отряд остановился на склоне холма. Чуть дальше и ниже раскинулась село Коммунарво, в недавнем прошлом Королево (переименовали за скрытую монархическую агитацию, хотя происходило название всего лишь от фамилии здешних помещиков).

Бывшее помещичье логово виднелось дальше, почти у вершины холма, и даже отсюда было видно, что в недалекие времена в усадьбу прилетала птичка под названием «красный петух». А до того, как по господскому дому погулял огонь, был уверен Чечевицын, там навер-

няка погулял сельский пролетариат (сиречь батраки). И беднейшее крестьянство погуляло тоже. Причем, без сомнения, в союзе с крестьянами среднезажиточными, – те, как учит тов. Ленин в брошюре «Основные задачи Советской власти», союзники ненадежные и временные, но экспроприировать помещичье добро всегда готовы.

Но от усадьбы уцелел хотя бы каменный остов.

Церковь же, стоявшая почти у вершины, но с другой стороны холма, была деревянная и сгорела до фундамента.

– Хорошо, что церковь сожгли, – сказал Чечевицын, опуская бинокль. – Но странно... Обычно мужички, как гуляют, церквей не жгут.

– Не, то наши пожгли... – откликнулся комэска. – По приказу самого товарища Нудельмана. Негоже, дескать, в селе с названием Комунароро рассаду проращивать...

– Какую еще рассаду? – не понял уполномоченный. – Кто в церквях рассаду растит?!

Комэска упрямо гнул свое:

– Товарищ Нудельман сказал: рассадник, – ну я и послал Валюху Крупенца со вторым взводом, – пожечь, стал быть... Товарищу Нудельману, богомать твою, виднее, чё тут растили, чё нет.

– Тыфу на тебя... Рассадник мракобесия там был! Ты, товарищ Фокин, на бумажке умные слова записывай, если запомнить не умеешь.

– А я, товарищ Чечевицын, с бумажками не в ладах, медленно я их читаю, бумажки-то... Но приказ об твоём расстреле раскумекаю, не сумлевайся.

Чечевицын коротко хехекнул, смех был неприятный и неживой.

Они часто так пикировались, привыкли и не обижались на дружеские шутки. В последней шутке имелась изрядная доля правды, что делало ее особенно смешной и пикантной.

– Заложников возьмем, – решил Чечевицын. – Тогда дезертиры сами из лесу выползут. Не станут ждать, когда их папок-мамок из пулемета покروشат.

Он небрежно похлопал по кожиху «максима». Два пулемета, составлявшие груз брички, к отряду Фокина не имели отношения, – числились за ЧК, там с их помощью исполняли спецакции в глухом Шишкином овраге, в пяти верстах от города. «Максимам» и двоим пулеметчикам предстояло вернуться в город вместе с уполномоченным по исполнению здешнего задания.

– Как обычно? – уточнил комэска. – На сельский сход всех погоним, а там уж сами богатеи и прочую контру укажут?

– Не надо схода... Вот как сделаем: двадцать человек с нами в усадьбу поедут. Поглядим, что там и как, может, не до конца все сгорело... Церковь-то тью-тью, так что кроме как в помещичий дом, нам заложников приткнуть и некуда. Остальных бойцов в Комунароро пошли, и главным назначь, кто потолковее и грамоту хорошо разумеет.

Чечевицын достал из внутреннего кармана кожаной тужурки сложенный вчетверо лист бумаги, протянул комэска. Объяснил:

– Прикажи: пускай бойцы по всем дворам пройдутся из этого списка, кого найдут, – сюда пусть, до усадьбы, конвоируют.

– Э-э-э... – догадливо протянул Фокин. – Ахен... тьху... иудушка твоя пособила? Раскаившаяся, сталбыть?

Уполномоченный коротко кивнул.

– Всех гребсти? – спросил комэска. – Вплоть до дитёв малых?

– Детей пусть оставляют, – решил Чечевицын после короткого раздумья. – А всех, кто старше пятнадцати, – сюда.

...Темнело, и подробности они разглядели, лишь подъехав к усадьбе вплотную. Как в воду глядел чекист: помещичий дом выгорел на редкость удачно. Деревянные перегородки начисто сожрал огонь, и перекрытия второго этажа тоже, от крыши сохранилась малая часть.

Однако на первом этаже пол, хоть и заваленный обгорелыми обломками, уцелел. А самое главное – на всех окнах остались кованые решетчатые ставни.

– Ну вот, и выдумывать ничего не надо, – удовлетворенно сказал Чечевицын. – Туда и вон туда поставишь часовых, по двое, а в-о-он туда, на крышу уцелевшую, «максим» затащим. Как кролики в загоне будут сидеть, не дернутся. Кстати, там вон флигелек есть... да нет, левее гляди... у каретного сарая. Я в нем огонек заметил, за окном мелькнувший. Пошли людей, пусть разберутся. Думаю, нам с тобой, товарищ Фокин, тот флигель для ночевки как раз подойдет. А те, кто в нем сейчас, в сараюшке ночь перебедуют, небось не बारे, кто-то из прислуги бывшей.

Комэска послал пятерых бойцов, а после засомневался:

– Слушай, а ежели те, с лесу, подкрадутся ночью невзначай? Да часовых ножичками... того... и пулеметчиков, чё на крыше? Пол-отряда мне с верхотуры положат запросто, пока сковыряем их оттуда...

– Зачем им? – риторически спросил Чечевицын. – Мы одного заложника отпустим, пусть в лес идет... на рассвете или даже сейчас, если путь хорошо знает. Пойдет и скажет: амнистия, дескать, кто сам выйдет из лесу к усадьбе, того к стенке не поставят, – винтовку в руки и на фронт. А если не выйдут к полудню, мы заложников начнем из пулемета крошить, каждый час по десять человек. Посовещаются они, да и пойдут сдаваться.

– Варит у тебя голова, товарищ Чечевицын...

– Второй пулемет вон туда прикажи отволочь, – распорядился уполномоченный. – сейчас не видно, но там башенка, телескоп в ней стоял, это такая... ладно, тебе ни к чему... В общем, пулемет там очень удачно встанет: все поле, что от Парамоновского леса к усадьбе тянется, перекрестным огнем накроем.

– Дык пошто нам оно?! – изумился Фокин. – Ежели они, ты сам гришь, руки подымут и вылезут?

– Ты, товарищ Фокин, и впрямь такой дурак или прикидываешься удачно? Ну сдадутся они, и что дальше-то? Ты сразу на фронт двинешь, я их, значит, бечевкой свяжу и гуськом за бричкой в город поведу, словно негров на хлопковую плантацию?

– Зазря ты все же не вздремнул еще, товарищ Чечевицын... Каки-таки, богомать твою, у нас тут негры? Чай от нас до Африки ихней верст... не знаю скока... наверное... – комэска вдруг осекся, сообразив наконец, что за смысл таился в словах чекиста, и продолжил совсем иным тоном: – Так ты их всех... ты их собрался... знаешь, чё я те скажу, товарищ Чечевицын? Давно хотел, да все...

Тут подбежал вестовой, и то, что давно хотел высказать комэска, так и осталось неизвестным (может, к лучшему для Фокина). Вестовой доложил: оказывается, во флигельке не бывшая прислуга обитает, там, товарищ комэска и товарищ спецуполномоченный, самая натуральная контра окопалась!

Отцы-командиры пошагали глянуть, кто и зачем там окопался... Контру, числом пять голов, уже выводили из флигеля: молодой человек, лет тридцати, вида и впрямь самого эксплуататорского. Девушка, лет на восемь или десять его помладше, и тоже видно: не из крестьянок, сев да жатву, небось, только из окошка своей кареты и видывала. Дама пожилых лет, того же поля ягодка. И еще две женщины, попроще, те, видать, и впрямь из бывшей прислуги.

– Куда их? – спросил комэска. – Э-э-э, товарищ Чечевицын, ты не спи тут, погоди малеха, скоро спать ляжем, повечеряем и сразу ляжем, там натоплено, видать, у них уже... В усадьбу их, к прочим?

Чекист действительно застыл в каком-то словно бы сонном оцепенении, уставившись на контру.

Потом разлепил губы, произнес не своим, деревянным голосом:

– В сарай. Часовых к двери. За крышей приглядывать.

Молодой человек (был одет он в чиновничий вицмундир со споротыми петлицами) тоже на ходу оглядывался, смотрел на уполномоченного со странным недоумением во взоре. При словах комэска «товарищ Чечевицын» молодой человек дернулся было, рванулся назад, но ему двинули по ребрам прикладом, кольнули сквозь мундир штыком, – и запихнули вместе с остальными в дверь сарая.

«Понятно, зачем он их в отдельности порешил держать, – подумал комэска, – буржуйка-то молодая девка справная, все при ней... А товарищ Чечевицын у нас холостует и натура мужская, небось, своего требует. Ладно, в своем праве человек. Они-то, кровопивцы, наших сестер да жен сколько лет пользовали? Кабы не сотню годков, а то и поболее... А теперь власть сменилась, наша теперича власть, народная. Значит, и бабы ихние теперича наши».

Рассуждал комэска с классово-правильных позиций, да только не хотелось ему гулять битый час на свежем воздухе, когда товарищ Чечевицын вызовет на ночной допрос недобитую, но симпатичную контру.

Задумался: может, и ему допросить кого? Не старуху, понятно, а одну из кухарок-горнишних или кто они там... Решил не скоромиться, – дома жена молодая осталась, шепнувшая недавно на ушко: тяжела. К тому же аполитично как-то получится: все-таки почти свои, почти эксплуатируемый класс, хоть в поле и не горбатились... Да и с лица, если честно, не очень.

* * *

В освобожденном от эксплуататорского класса флигеле и в самом деле было натоплено, что вышло очень кстати, октябрьские ночи стояли холодные. А в остальном бывшие кровопийцы жили скудно. Не беда, бойцы щедро поделились захваченными в Коммунарво трофеями, весь стол снедью завалили. Ну и четверть самогона, самого лучшего, что нашли, – как слеза прозрачного, двойной перегонки.

Впрочем, уполномоченный хватанул с устатку лишь полстакана, и Фокину сверх того пить запретил: день завтра трудный, дело предстоит ответственное. Комэска не стал настаивать, хоть и хотелось ему вмазать как следует, на всю катушку, да и позабыть обо всем, что ожидает его и отряд в ближайшие дни.

Заняться отцам-командирам после ужина было нечем: заложников всех собрали и доставили в усадьбу без происшествий, парламентаря в лес отправили, а душевные разговоры о жизни у этой парочки на трезвую голову не получались.

Искоса поглядывая на чекиста, Фокин сообразил: с ночным допросом дал маху, ничего такого уполномоченный не затевает. Спросил на всякий случай напрямую:

– Слышь, товарищ Чечевицын, а ту девку-то помещицью ты попользовать, я гляжу, не желаешь? Тогда, может...

Он не договорил. Чекист как-то резко и неожиданно оказался на ногах. Только что сидел, развалился, за столом, – и оказался. Когда надо, он умел двигаться с быстротой атакующей змеи. Но сейчас-то с чего задержался?

Фокин тоже поднялся, гораздо медленнее. Кряжистый, с медвежьей повадкой, он был на голову выше уполномоченного, и гораздо шире в плечах. Но и ему становилось не по себе, когда на Чечевицына накатывало. И сейчас комэска стоял напружинившись, держа руку поближе к кобуре.

По-правильному Фокин мог насверлить в уполномоченном с пяток дырок из своего именного нагана, пока чекист лишь выцарапает маузер из футляра. Но закладываться на такой исход Фокин не стал бы... Знал, что Чечевицын таскает в правом рукаве еще одно оружие, самое бандитское.

По юным своим годам ездил Ванятка Фокин как-то в Питер на заработки со строительной артелью, и нехороший с ним там случай приключился: по завершении работ выпил немного и

сцепился из-за какой-то ерунды с городским парнем на Лиговке. Слово за слово, до рук дошло, что Ванятку, первого кулачного бойца на деревне, не напугало. Но городской по-особенному махнул рукой – неопасно и вдалеке, Ванятка даже прикрываться не стал – из рукава вылетела гирька на резинке, да как шарахнет в лоб! На пару часов из памяти выпал, да потом еще дня три голова гудела... Ну и деньги все заработанные из кармана того... платой за науку.

Вот и у товарища Чечевицына такая же снасть в рукаве таилась. Только на резинку крепилась не гирька, а браунинг. Блестящий, крохотный, весь на ребячьей ладошке поместится, пульки как семечки. Несерьезное вроде оружие, для буржуйских дамочек. Но это смотря как стрелять... Товарищ Чечевицын стрелял всегда наповал, точно в сердце.

Они стояли напротив друг друга, мерялись взглядами. Ох и не любил же комэска Фокин этого делать. Казалось ему, что черные дыры глаз товарища Чечевицына ведут совсем не вовнутрь головы, как у любого нормального человека, а куда-то в иные места, куда заглядывать людям не положено. Ну разве лишь только после смерти заглянуть в те места доведется, да и то совсем пропащим душам...

Фокин слышал (и не знал, верить или нет), что некоторые упрямые подследственные сдавались после такой вот дуэли взглядов с уполномоченным: рассказывали все обо всех.

– Слушай меня, комэска... – прошипел товарищ Чечевицын, и чернота его глаз давила уже не фигурально, а физически: Фокин почувствовал, что дышать ему стало трудней. – Слушай внимательно, повторять не буду. Ежели кто-то из твоих, или ты сам, мне наплевать... если кто-то девку эту тронет, – расстреляю. Тех, кто тронул, расстреляю. И тебя расстреляю, Фокин, – в любом случае. Вот прямо завтра утром к стеночке встанешь. Несколько чистых приговоров у меня всегда с собой, только имена вписать. Твои же бойцы тебе же пару-тройку пуль в брюхо всадят, я специально прикажу, – чтоб в брюхо, чтоб помучался, кровушкой чтоб поблевал. А если позже узнаю, – я и с фронта вас выдерну. Но тогда уж не расстреляю, извини. Я вас тогда к нам на подвал, к Трофимычу. Скажу, чтоб он ни о чем вас не спрашивал, чтоб он молодых на вас натаскивал... Через неделю вы у ног моих ползать будете и дерьмо с сапог слизывать, чтобы я вас расстрелял. А я не расстреляю. Понял? Ты меня понял, Фокин???!!!

– Дык понял, понял... – забормотал комэска, – чё ты сразу, товарищ Чечевицын... я ж так у тебя поспрошал, шутейно... Пойду-ка я сам догляжу, чтоб и волосинка с нее не упала... Пойду я, ладно?

Чечевицын не успел ничего ответить: в дверь постучали. Комэска подумал, что бойцов привлек финальный вопль чекиста, громкий, как пароходная сирена. Но нет, доложили о другом: один из пленников – из тех, что в сарае – никак не угомонится. В дверь барабанится, грудью на стволы и штыки прет: дескать, всенепременно надо ему переговорить с товарищем Чечевицыным, а зачем надо, не признается. В общем, ежели не пристрелить его, до утра буянить будет. Пристрелить?

– Привести, – коротко скомандовал Чечевицын. – Сами снаружи останетесь... А ты, Фокин, иди и проверь, что обещался. Хорошенько проверь, не за совесть, а за страх проверь, Фокин... И помни о подвале. Я тебя умоляю, Фокин: не забывай о подвале!

Комэска с облегчением вывалился на улицу. Подумал, что, может, и к лучшему, что через день-другой угодит в мясорубку на прорванном фронте... Лучше честно сгинуть от пули, или от шашки казацкой, или от плоского чехословацкого штыка, – чем угодить в подвал. Вот, наверное, куда ведут глаза товарища Чечевицына, – туда, в подвал к Трофимычу...

* * *

Они не виделись пятнадцать лет.

Расстались мальчиками, гимназистами-второклассниками, а сейчас друг на друга смотрели взрослые мужчины, немало повидавшие в жизни. По крайней мере, о себе Чечевицын знал точно: повидал, и достаточно, иного лучше б и не видеть... никому бы лучше не видеть.

– Здравствуй, Боря... – Голос прозвучал неуверенно, словно говоривший толком не понимал, как ему говорить и вообще как держаться.

– Здравствуй, – сказал Чечевицын холодно и равнодушно.

– Ты не помнишь меня, Боря? Совсем позабыл за эти годы?

– Да почему же? Я не пеняю на память... Володя Королев, гимназия Самулевича, второй класс. Ничего не перепутал?

– А ведь мы когда-то дружили, Боря...

– Возможно. Но это было очень давно.

– А как гостил здесь, в Королево, не помнишь? Тогда, на рождественских каникулах? Мы еще...

– Я помню все, Володя, – перебил Чечевицын, по-прежнему с ледяным спокойствием. – Хорошая память – это мое проклятие. Я помню все: что вашу собаку звали Милордом, а горничную – Наташей, я не забыл, как твой отец коверкал мою фамилию: то Черепицыным называл, то Чибисовым... Не стоит мне ничего напоминать, Володя. Я помню все.

Володя Королев потерянно молчал... Наверное, к такому повороту он не был готов, считал, наверное, что старый приятель просто позабыл за долгие годы и его, и само это место, – стоит лишь напомнить, пробудить давние ностальгические воспоминания, и...

Чечевицын вновь заговорил. Вновь негромко и вроде как спокойно, но все же тон ощутимо изменился. Теперь голос этого маленького и страшного человека зазвенел, как дрожащая от внутреннего напряжения глыба горного хрусталя: чуть тронь, и разлетится множеством осколков, острых, как бритва, не просто ранищих до крови, – режущих до кости...

– А еще я помню, как меня порол мой отец. В этом самом флигеле, на этой вот лавке, не помню только в каком углу она тогда стояла, в том или в этом... Да, поспешил похвастаться, порой подводит память. Отец... После того, как вы вызвали его сюда телеграммой, – забрать меня, тогда он меня и выпорол... Страшно выпорол, люто. О, он умел это делать... Ты знал, кем служил мой отец, Володя? Ну да, зачем тебе... Он служил тюремным профосом и знал толк в этом деле, – как спустить шкуру, не убив. Да, теперь таких мастеров не найти, мы пытались, – нет, не найти, измельчали людишки, Володя.

– Боря, мы не знали... мы и подумать не могли... мы бы никогда... И вообще, ничего же не было слышно! Ни стопа, ни...

– Да, Володя, ничего не было слышно. А знаешь, почему? Здесь лежала палка-поноска вашей собаки, Милорда. Отец заставил меня взять ее в рот, в зубы: «Ты опозорил меня здесь достаточно, так не позорь сверх того!» Я разгрыз ту палку в мелкие щепки, Володя, я сломал два зуба, но я разгрыз ее... А ты, наверное, играл тогда с сестренками и ничего не услышал...

– Боря... я...

– Помолчи. Просто заткнись и помолчи. Ты ведь хотел предаться со мной ностальгическим воспоминаниям, я угадал? Изволь, вспоминать, так уж все... Той поркой дело не закончилось. Была и вторая, не слабее здешней, – когда меня исключили из гимназии. Исключили после письма, полученного гимназическим инспектором от твоего отца... Ты, наверное, и не заметил: ну, приходил в классы какой-то Чечевицын, ну, перестал приходить... В другой город, наверное, с семьей переехал. Или под лошадь угодил. А меня всего лишь исключили, и отец меня вновь люто выпорол. Знаешь, Володя, если бы я был мстительным и захотел сполна расплатиться за ваше тогдашнее гостеприимство, вы бы сейчас, все пятеро, дожидались утра и расстрела, лежа на животах и громко стеля... Но я давно вас простил.

– Т-ты... нас... за...

– За что я вас расстреляю? Я правильно истолковал твои невнятные местоимения? Лучше бы спросил, отчего я вас простил, ну да ладно, изволь: тебя я расстреляю за то, что ты сын потомственного дворянина и сам потомственный дворянин. Твою матушку – за то, что она потомственная дворянка. Твою сестру Машу... Это ведь Маша, младшенькая? Катя и Соня, наверное, уже замужем и живут не с вами... В общем, ты уже понял, за что я расстреляю ее. Люди этой страны решили: потомственные дворяне здесь больше не нужны, равно как и их потомство... Я, как потомственный плебей, это решение лишь приветствую. И претворяю в жизнь.

– А Зина, а Наташа? Их-то за что?!

– Им не повезло... Оказались не в том месте и не в тот час. Ты растолкуй им, чтобы легче умиралось, ну... ну, как будто их молнией убьет во время прогулки в грозу.

Володя молчал, потрясенный, ошарашенный. Чечевицын продолжил:

– Оцени сарказм судьбы: еврей-террорист Леон Каннегисер застрелил еврея-чекиста Моисея Урицкого, причем в качестве мести за расстрел своего друга Перельцевейга, тоже, заметь, не татарина. Ответный ход сделал еврей Яков Свердлов: объявил Красный террор против недобитых каннегисеров, ну и заодно против всех, кто подвернется под карающую пролетарскую руку... И вот ведь какое странное следствие из этой внутриеврейской вендетты: я, русский плебей, расстреляю завтра тебя, русского столбового дворянина. Вместе с семейством. Забавно, согласишься? Все еврейские детишки, убитые при Кишиневском погроме, наверное, сейчас бешено аплодируют на небесах... Если, конечно, допустить, что обетованные небеса существуют и чуть ниже их боженька не нарисовал черту оседлости...

– Так ты из выкрестов...

– Господь с тобой, Володенька, я чистокровный русак, просто уродился уж таким, смугло-чернявым... Хотя не исключу, что среди предков затесался цыган или кавказец. Можешь обсудить эту проблему со своими. Не так скучно будет ждать расстрела.

– Ты стал чудовищем, Чечевицын... И неужели у тебя в душе ничего не...

– Ты прав, – снова перебил Чечевицын. – В душе, наверное, у меня что-нибудь шевельнулось бы... Все-таки детские воспоминания такая штука, что если на них умело сыграть... Но вот беда, Володя, – у меня нет души. Ну то есть совсем, абсолютно. Когда ты приезжал сюда на университетские каникулы... ведь ты учился в университете, правда?... когда ты приезжал на каникулы и хрустел за завтраком французской булкой, – я подыхал в Акатуе. И отдал душу за то, чтобы выжить, вернуться, отдать долги... Я говорил, что я не мстительный? Так и есть. Я просто аккуратный должник. Всегда отдаю все долги. В общем, души у меня не стало. Это был справедливый обмен. И у тебя есть один крохотный шанс: обратись не к душе, которой нет, а к моему разуму... Придумай что-то такое, от чего я не захочу вас завтра расстрелять... Или не смогу. Только поспеши, завтра тяжелый день, и я хотел пораньше лечь. У вас, конечно, день тоже выдастся не самый легкий, – но хотя бы короткий. Начинай... Я внимательно тебя слушаю.

Володя недолго помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил, и Чечевицын чуть улыбнулся своею замороженной улыбкой: все-таки не поверил, все-таки пытается достучаться до души...

– Ты помнишь, Боря, как мы собирались бежать в Америку? Добывать золото, тигровые шкуры и слоновую кость... не знаю уж, с чего мы решили, что там водятся слоны и тигры, но собирались... Ты помнишь, как мы основательно подготовились? О, у нас было все, мы были богаче, чем Робинзон Крузо, выброшенный на пустынный берег! Два ножа, и мешочек сухарей, и увеличительное стекло для добывания огня... Был компас и четыре рубля денег, даже, по-моему, четыре с полтиной, ты говорил, что до Байкальского парома нам хватит, а там уже можно намыть в горах первое золото... Ах, да, у нас же был еще пистолет... Смешной, почти игрушечный дедушкин двустольный пистолетик, но как же мы гордились им! Мы собирались

им и двумя перочинными ножичками сражаться с тиграми и дикарями, и убивать других врагов... Мы думали поступить в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации... Ты помнишь все это? Ты называл себя: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а меня ты называл братом, своим бледнолицым братом... И твой бледнолицый брат просит тебя, Монтигомо: поступи со мной и моими близкими так, как надлежит поступать с братьями. Хау. Я все сказал.

– Ты нашел правильные слова, бледнолицый брат мой, – заговорил Чечевицын, и голос его вновь зазвучал как тогда, в бричке, после странного его сна. – Я отдал душу, но в груди у меня еще бьется сердце, и твои слова поразили его, как стрела охотника поражает сердце бизона. Встань же с колен, бледнолицый брат мой, и дозволей краснокожему брату обнять тебя! Помню ли я? О, если б ты знал, брат, как я жалел, как я горько жалел, что ты не ушел тогда со мной, и мы не добывали вместе золото, тигровые шкуры и слоновую кость, и меха на Аляске, и не попали вместе к алеутам... И что поезда и дилижансы я граблю не с тобой, а с убийцей и предателем Акулой Додсоном, я жалел тоже... Я жалел об этом везде: и во Владимирской пересылке, и в Акатуе, и на золотых приисках... представь, я ведь попал на золотые прииски, но то были поганые прииски, совсем не те, что у Майн-Рида... Ты не поверишь, брат, но я до сих пор жалею, что ты не пошел со мной и предал меня... Конвой! Увести! Умри с миром, бледнолицый брат мой, с миром и песней смерти на устах, и пусть предки примут тебя в свой круг у костра в Краях Вечной Охоты. Хау! Я все сказал.

– Боря! Не-е-т! Я не делал этого! Бо...

Дверь захлопнулась, заглушив истошный крик.

* * *

Утром все прошло как по маслу.

Дезертиры не просто вышли из лесу, – они построились в колонну по трое, они маршировали, пусть и слегка вразнобой, и даже затянули какую-то песню. В общем, всем своим видом показывали: осознали, и раскаялись, и готовы послужить родине и революции, искупить и смыть кровью... Наверное, рассчитывали дать деру позже, отведя беду от родимых мест.

Два «максима» ударили кинжальным огнем.

Закончилось все быстро.

Взвод Крупенца – лишь эти бойцы отряда всерьез могли считаться кавалеристами – держал коней вповоду, но так и не дождался команды «На-а-а конь!», – догонять верхами и рубить убежавших к лесу не пришлось. Дезертиры как шли, так и полегли, – на дороге, плотной кучей. Трупы стащили к усадьбе, сложили рядком вдоль стены. Пусть местные хоронят... Или пусть бродячие собаки жрут.

– Заложников по домам? – спросил комэска, кивнув на каменный остов усадьбы.

– Да что ж ты такой дурак-то, Фокин... – буквально застонал уполномоченный. – Какое по домам? Тут их отцы сидят, братья старшие – взрослые, матерые мужики, почти все с германской вернувшиеся, винтовки с обрезами у всех в амбарах-сараях припрятаны... Отпустишь их, – тут через месяц новая банда объявится, и не птенцы желторотые, настоящая банда, боевая, обстрелянная. Все понял, Фокин? Командуй пулеметчикам!

«Максим» долго грохотал с крыши, расстреляв всю ленту и начав следующую. Наконец и здесь все закончилось. Добывали без выстрелов, штыками.

– Ну эти-то уж в банду не собьются? – показал комэска на сараюшку.

– Расстрелять. Вон к той стеночке поставить, где почище, и тем же манером.

– Та-а-ак... – Комэска, не таясь, расстегнул кобуру, положил пальцы на холодную рукоять нагана. – А выдай-ка ты мне, товарищ Чечевицын, приговор по всей форме... Не-е, пять приговоров, свой на каждого. Но по всей форме, с именами-фамильями, с печатью, богомать

твою, с круглой, и с годом рождения... А без бумажки я и клопа на твоей роже не расстреляю, товарищ Чечевицын, полномочиев у меня таких нет.

Они снова мерялись взглядами, и впервые комэска без страха заглянул в эти бездонные черные дыры. Ну подвал... а что подвал... не преисподня, чай.

– У тебя, Фокин, бумага на их расстрел в планшете уже лежит. Загляни и посмотри.

– Кака-така бумага?

– А вот така... – передразнил Чечевицын. – Сентябрьское постановление ГубЦИКа о проведении политики Красного террора, за подписью товарища Нудельмана. Террор объявлен? Факт. В сараюшке буржуазно-помещичий элемент с пособниками? Факт. Так чего ты ждешь, Фокин? К стеночке их, вон к той, где почище. Постановление им быстренько зачитать – и на гашетку. Исполняй. Я прогуляюсь, пройду по холму, голова что-то разболелась... Действуй, не медли. И не забывай про подвал, Фокин. Я тебя умоляю: никогда не забывай про подвал!

Все-таки Фокин промедлил... Две короткие очереди Чечевицын услышал, отшагав более версты от усадьбы. Затем три одиночных: добивали.

– Если бы ты знал, бледнолицый брат мой, как я жалел... И сейчас жалею... – произнес Чечевицын в никуда и пошагал обратно.

7. 1903

– Ах, мне так страшно! – слегка манерничая, произнесла Соня, самая старшая из сестер Королевых; недавно этой здравомыслящей и рассудительной барышне исполнилось целых одиннадцать лет

– Ты смотри же, не говори маме, – сказала Катя сестре.

Девочки стояли на лестнице, ведущей наверх, к гостевым комнатам. Недавно, буквально только что, они стали обладательницами загадочной и страшной тайны, – подкравшись к двери и подслушав разговор брата Володи с его товарищем и соучеником Чечевицыным.

Они узнали многое, не ведали лишь, что и их секретный обмен мнениями сейчас подслушивают: внизу притаилась как мышка Машенька Королева, младшая из сестер, едва достигшая пяти лет.

Маша уже третий день была безответно влюблена в Чечевицына.

И сейчас, узнав из вторых рук секрет мальчиков, не знала, что ей сделать: бежать ли немедленно к маменьке, все рассказать и спасти объект своей любви от стрел и копий туземцев и от клыков и когтей страшных хищников, – или же, по примеру старших сестер, позволить герою проявить героизм и вернуться с богатой добычей...

Так ничего и не решив, Машенька тихонько скользнула вниз по ступеням.

* * *

Беседовал урядник с родителями в столовой, одновременно заполняя какую-то бумагу. Спрашивал про Парамовский лес – большой, дни напролет блуждать можно – и начинавшийся буквально в версте от имения.

Мамаша Королева плакала.

Старшие девочки переглядывались. Золотой песок и слоновая кость казались им все менее привлекательными...

Машенька, наблюдавшая за всем из своего уголка, не выдержала:

– Маменьк-а-а-а! – с плачем подбежала она к столу. – Они не в лес! Они в Америку-у-у-у! Пешком, вон туда, я утром все видел-а-а-а!

Через считанные минуты погоня двинулась по следу.

8. 1918

Время расставаться пришло на знакомом и памятном Чечевицыну месте – там, где дорога от имени Королевых выходила на тракт. Указатель куда-то исчез со столба, но сам столб еще стоял, и виднелись на нем дырки от гвоздей, крепивших доску. Чечевицын вздохнул, губы что-то беззвучно прошептали.

Отсюда дорога Фокина и отряда шла налево, к фронту и гибели, Чечевицына с его бричкой и пулеметами, – направо, в город. Пора было прощаться, но теплого прощания не получалось и все шло к тому, что кивнут друг другу да и разъедутся.

Так бы и вышло, но комэска вдруг вспомнил что-то, хлопнул себя по лбу под фуражкой, слез с коня.

– Пойдем-ка, Чечевицын, – впервые назвал он чекиста без прибавления «товарища». – Кой тут чё передать тебе надо... Пойдем, пойдем...

Он сделал приглашающий жест и пошагал подальше от дороги. Чечевицын ничего не понял, но вылез из брички, пошел следом: невысокий, прямой, черный как головешка.

– Тут это, Чечевицын... Девка та, помещичья, нехорошо помирала... Из рук рвалась, кричала, чё не Володя, чё она все, она... не знаю уж, о чем речь шла... Тебя требовала... Ну, растолковали ей: отлучился, мол, товарищ Чечевицын, не скоро вернется... Ну, успокоилась вроде, стала к стеночке... Вот, тебе просила передать, как вернешься...

Фокин стянул фуражку, вынул из-под подкладки и протянул крохотный листок.

Произнес другим тоном, почти заискивающим:

– Я глянул, чё там... и не понял ничё... и знаешь чё, Чечевицын... ежели то шифровка какая... и ежели ты не тем, а вон тем служишь... ты, ежели чё, меня, главное, не втягивай... мне-то все едино, так и так подышать... не хочу, чтоб жену таскали...

– Здесь не шифровка, Фокин, здесь другое, – задумчиво произнес Чечевицын, разглядывая ровненький и гладенький квадратик бумаги, аккуратно вырезанный ножницами из школьной тетради сестры и много лет пролежавший в девичьем альбоме. – Похоже, она любила меня все эти годы... Все пятнадцать лет. Вот ведь оно как бывает.

– Она любила тебя... А ты ее...

– Угу. Она любила. А я убил. Затертая рифма, любил-убил... Бывает и так, Фокин.

Чечевицын выпустил бумажку из рук, она закружилась к земле – еще один осенний лист в лесу, богатом палой листвой.

– Знаешь, Чечевицын, спервоначалу я думал, – ты человек... Позже думал: нехороший ты человек и странный. А нынче вот думаю: и не человек ты вовсе... И хуйли мне твоего подвала пужаться? Так и так скоро подохну – и сразу туда.

Комэска Фокин схватился за наган, и дернул из кобуры, и увидел, как махнул рукой Чечевицын и блеснул браунинг, вылетая из рукава, и выстрелил от бедра, и что-то щелкнуло, как трехаршинный пастушеский кнут, и пуля угодила чекисту в лоб, точно промеж бровей, и разбила в куски и перемешала двух разных людей, поселившихся в одной голове, и мозги после выстрела Акулы Додсона плеснулись назад, забрызгав на добрый аршин желтоватую пыль Сьерры, и Фокин почувствовал, как что-то острое кольнуло ему прямо в сердце, и начал падать вперед, проваливаясь в бездонные колодцы глаз Боба Лагарры, и стетсон свалился с его головы к сапогам еще державшегося на ногах Чечевицына, и Боливар, напуганный выстрелами, отпрянул в сторону, но быстро успокоился и продолжил щипать траву, возможно, радуясь, что не придется уносить на спине ни одного, ни двоих, никого, – и жеребец будет так подкрепляться долго, пока к поляне не подъедет шериф Билл Крузерс в сопровождении двух агентов уездного угро...

А пока Акула Додсон стоял, опершись на колени и локти, – точь-в-точь магометанин на молитве, – и пытался прочесть, что написано на крохотном квадратном листке, лежавшем рядом с его кожаной фуражкой, слетевшей с головы, – буквы были незнакомые, и у Акулы все плыло перед глазами, но он почему-то был уверен: прочтает, и все станет хорошо, и страшный темный подвал – наплывающий, обступающий со всех сторон – отступит и исчезнет, и наконец комэска Фокин, беззвучно шевеля губами, сумел-таки прочесть написанное нетвердой детской рукой: «Монтигомо Ястребиный Коготь», и это был он, пропуск на выход из подвала, и Акула Додсон со счастливой улыбкой на губах упал набок...

Прими свою вину # Татьяна Романова

1

На дежурстве, как обычно, было спокойно: обувная фабрика на окраине Города – не то место, где жизнь бьёт ключом. Привычно хмурился с портрета Гейгер, под потолком жужжал старенький вентилятор, по радио транслировали концерт симфонической музыки.

До конца смены Илье оставалось всего ничего. Контрольный обход, а потом – домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.